

Юстина Южная

Княгиня пепла

Хранительница
проклятых знаний

Юстина Южная Княгиня пепла. Хранительница проклятых знаний

<https://litres.ru/74213172>

Аннотация

Я-Полина — часть старого мира. Мира высочайших человеческих технологий, однажды погибшего в ядерной катастрофе. Лишь мой разум чудом сохранился в тайном убежище в шотландских горах. Я-Ноэль — часть мира нового. Мира, начавшего с нуля, в котором правят жестокие феодальные кланы и верят в редкую «магию», больше похожую на эхо технологий старого мира. В этом мире живо лишь мое тело. Смогу ли я, Полина-Ноэль, войти в новый мир со старыми знаниями, вырваться из своих бед и помочь жителям хотя бы одного маленького княжества? Ведь для мужа я — лишь «артефакт», а люди вокруг не понимают, считать мой Дар благословением или проклятием. Некоторые из них хотят моей гибели...

В книге есть: ♥# прогрессорство и быт ♥# становление героини ♥# властный герой ♥# от равнодушия к любви ♥# средневековые и кланы ♥# приключения ♥# обязательный ХЭ

Книга участвует в литмобе "Время перемен":

Обложка от Валерии Пономарёвой (LeraSmart).

Содержание

Глава 1. Ритуал	4
Глава 2. Полина. Жизнь до...	11
Глава 3. Ноэль. Жизнь до...	19
Глава 4. Начало новой жизни	26
Глава 5. Первые трудности	31
Глава 6. До свадьбы	39
Глава 7. Испытание	46
Глава 8. Уроки от княгини	52
Глава 9. Накануне свадьбы	59
Глава 10. Свадьба	67
Глава 11. Пир	75
Глава 12. За закрытыми дверями	82
Глава 13. Первая ссора	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Ритуал

Девушка, уходившая к холмам, выглядела такой хрупкой, что, казалось, вот-вот переломится пополам, точно невесомая тростинка. Ее снежно-белые волосы с вкрапленными в них, подобно тончайшей паутинке, пепельными прядями безжалостно трепал горный ветер. Он же леденил ее босые ступни и проникал под легкую льняную рубашку — единственное, во что она была одета.

— Ты уверен, что мы должны были вот так ее отпустить, брат Аодхэн? Почти голую, абсолютно беззащитную...

Высокий мужчина, произнесший это, хмуро свел на переносице черные брови, провожая взглядом фигурку светловолосой. Его темные кудри точно так же развевались под холодными воздушными порывами, как и у бредущей прочь девушки, но, в отличие от нее, он был одет в плотные штаны и теплый кафтан.

— Это единственный способ узнать, может ли она стать вашей женой, мой лорд-князь, — негромко ответил ему старик в коричневом балахоне до пят и накинутом на плечи шерстяном плаще того же цвета. Он опирался на длинный деревянный посох с навершием в виде не крупного лилового камня, а его голову обвивал строгий железный обруч, покрытый причудливыми узорами.

Оба мужчины стояли на невысоком пригорке, по коле-

но утопая в буром вереске, припорошенном туманной осенней серостью. Впрочем, вересковая пустошь простиралась от них во все стороны, сколько мог охватить взгляд, словно не имея ни конца ни края.

— Моей женой может быть любая, — раздраженно рявкнул мужчина.

— Всё так, лорд Ламберт, всё так. Однако если представился редкий шанс заполучить в дом Дар богов, то нельзя от него отказываться.

— Но она ведь сумасшедшая!

Аодхэн покачал головой.

— Она блаженная. А если пройдет испытание холмами, боги могут смилостивиться и даровать ей разум ради процветания земли вашего клана. Так случалось раньше, мои пергаменты хранят на своих страницах подобные истории.

— А если не пройдет?

— Значит, останется в холмах, как не выдержавшая проверки, а вам придется подыскать себе другую кандидатку в супруги.

Лорд Ламберт досадливо взмахнул рукой.

— И все же отправлять ее туда... одну, раздетую... Она все-таки леди. Такая маленькая и слабая...

— Вы волнуетесь за нее, лорд-князь? — спросил Аодхэн, и в его голосе почти невозможно было различить нотку иронии.

— Нет! — резко бросил тот. — То есть да. Мне совестно,

что я согласился на этот древний ритуал. Но я не знал, что она... такая.

Старик выпрямился, и оказалось, что он ростом почти с лорда Ламберта. И возможно, не менее крепок и силен.

— Сейчас мы увидим, стоило ли вам так тревожиться. Она уже почти подошла к Пределу Ветров.

За спинами собеседников вдруг раздалось заунывное пение нескольких мужских голосов. Лорд Ламберт невольно оглянулся. Сзади него на плоской земляной площадке возвышался старинный дольмен — круг из двенадцати огромных вертикально поставленных камней, на которых покоились плиты поменьше.

В кругу стояли трое мужчин в таких же, как у брата Аодхэна балахонах и обручах. Они монотонно повторяли один и тот же мотив с непонятными лорду-князю словами. Наверное, возносили молитву тем богам, которые хранили холмы внутри Предела Ветров.

Ох уж эти холмы! Тайна, в которую никому так и не удалось проникнуть за много веков.

Неизвестно, кто первым наткнулся на прозрачный барьер, окружающий несколько курганов, покрытых чахлой растительностью, но в том, что этот барьер непреодолим, люди убеждались раз за разом. Он был абсолютно невидим, более того, вопреки поэтичному названию, придуманному когда-то друидами, ветер сквозь него проходил совершенно свободно. Не менее свободно чувствовали себя мыши, зай-

цы, лисы и косули, порой гулявшие по долине. Птицы тоже пролетали сквозь него, будто совершенно не ощущая давления на своих перьях. А вот людей незримая сфера не пропускала. Любой, кто подбирался к холмам слишком близко, будто упирался в стену и не мог пройти дальше.

Таких мест, защищенных богами, было два на всю Претанию — огромный остров, еще со времен Великой Казни заселенный воинственными кланами. И одно из них находилось здесь, на пустоши, где издревле обитал клан Ламбертов.

Поговаривали, что и на материке есть подобные священные места, которые были закрыты для всех, даже для друидов, жрецов и прочих священнослужителей.

Но раз в несколько десятилетий неизменно появлялась женщина — почему-то всегда это были только женщины и непременно с некоторой умственной юродивостью, — которая могла пересечь барьер и достичь заключенных внутри невидимой сферы холмов. Как гласили древние летописи, такие женщины возвращались обратно измененными внешне и внутренне, и приносили благословение тем землям, на которых жили. Или проклятие. Как повезет...

Друиды говорили, что в таких женщинах течет кровь тех древних людей, которые населяли землю до Великой Казни. Кровь полубогов.

Иногда некоторые из этих женщин уходили за Предел Ветров — и больше их никто не видел. Тогда считалось, что хоть боги и признали в них свою кровь, но за какие-то

несмываемые грехи не отпустили обратно.

Получить в жены такую женщину — Дар богов — считалось невероятной удачей. На них неизменно женились вожди кланов, и друиды молились, чтобы девица оказалась благословением. Ведь если это случалось, земли клана начинали невероятно процветать. А если не случалось... женщину нарекали Проклятием богов.

Интересно, что и в том, и в другом случае носительницы странного дара приносили нечто новое и необычное в жизнь тех земель, где они обитали. Но угадать, что дадут эти перемены, было трудно. Поэтому порой тех, кто умел ходить за Предел Ветров, некоторые люди почитали за лучшее убить.

Однако все это было давно овеяно легендами. Ведь последняя такая женщина, согласно летописям, появлялась здесь не меньше сотни лет назад.

И вот сейчас друиды нашли Ноэль. Девушку, которая могла... или не могла... пройти сквозь невидимую преграду и войти в холмы.

Лорд Ламберт всмотрелся вдаль.

— Брат Аодхэн, гляди... — произнес он и резко замолчал.

Девушка вплотную подошла к тому месту, где находилась прозрачная преграда.

И вдруг... На краткий миг Предел Ветров стал виден — фиолетовые искры пронесли по небу, обрисовывая в воздухе огромный купол, накрывающий курганы и подступы к ним.

Девушка шагнула внутрь купола.

И двинулась к холмам.

По преданию, где-то там был вход в подземное царство богов.

— Она прошла, — благоговейно прошептал старик. — Теперь нам остается только дать друидам закончить ритуал. И ждать. Если через три дня она не выйдет, мы справим по ней тризну.

Князь кивнул.

Я пробудилась ото сна неожиданно.

Кто я? Где я?

Ответы на эти вопросы вползали в мой разум постепенно, извиваясь, как ядовитые змеи.

Я Полина Рождественская, младший научный сотрудник, жена Михаила Рождественского. Я в бункере. Я попала сюда случайно, по-хорошему меня тут не должно было быть. Но так случилось... Потом был ядерный удар. Много ядерных ударов. И мы все застряли здесь. А после... Боже, я не хочу вспоминать, что творилось после...

Главное, что я заснула.

А сейчас пробудилась.

Я — разум. Я — чистый разум без тела. Сохраненная искусственным интеллектом матрица самой себя...

И сейчас к моему убежищу движется та, кто может стать моим сосудом. Именно поэтому ИИ меня и пробудил. И любезно сообщил мне об этом.

Мне должно быть страшно. Но кажется, ИИ об этом позаботился, подавив соответствующие нейромедиаторы.

Бедная девушка. Бедная я.

Или... или для нас обеих все только начинается?

Что это за мир, в котором я оказалась? Это точно мир после апокалипсиса.

Что ж, сейчас я все узнаю...

Глава 2. Полина. Жизнь до...

Разумеется, я не верила ни в какую ядерную войну. Да и никто из нас не верил. Даже мой муж, гениальный физик-ядерщик. Это была страшилка времен моего детства, а теперь-то, как я думала, человечество хоть и не лишилось природной агрессивности, но вроде бы уже переросло уровень песочницы, в которой один ребенок так и норовит стукнуть лопаткой другого.

Не переросло.

Если посмотреть на историю людского рода, она выглядит удивительно цикличной. В каком-то месте общество, попадая в благоприятную среду, начинает развиваться и создает высокую цивилизацию. Потом эта цивилизация в силу игнорируемых проблем начинает подгнивать изнутри. А затем приходят варвары и безжалостно сносят ее. Однако свет ее ценностей и технологий успевает коснуться их темных очей — и вот уже бывшие варвары становятся той самой цивилизацией. Вплоть до следующего нашествия.

Так произошло и с нами.

...Едва возникла серьезная угроза катастрофы, моего мужа, как особо ценного профессионала, переправили в одно из международных засекреченных убежищ, располагавшихся в шотландском высокогорье. Я должна была остаться дома, как недостойная быть спасенной в случае худшего воен-

ного сценария. Но Миша наотрез отказался ехать туда без меня. Поскольку он был слишком значимой фигурой в научном мире, то, поскрипев зубами, высокопоставленные чиновники все же разрешили нам отправиться вместе, оформив меня в качестве младшего «научника» того же исследовательского центра, где работал мой муж.

Честно говоря, будь я на месте тех чиновников, я бы себя в бункер не пустила. С точки зрения выживания человечества, я была абсолютно бесполезной старой кошелкой. И если Мише прощались его шестьдесят пять за невероятную остроту ума и пользу, которую он приносил миру, то мне мои шестьдесят прощать было не за что.

Когда-то в юности, может быть, я и подавала неплохие надежды: обладая чисто гуманитарными задатками, я тем не менее обожала социологию и довольно глубоко была в нее погружена, обучаясь этому предмету в институте. Но потом встретила Мишу, влюбилась, вышла замуж и как-то незаметно стала его бессменной помощницей, оставив все свои прежние мечты и чаяния. Он, как и все гении, был совершенно беспомощен в быту, а я, видя его безусловную преданность работе, посвятила ему всю свою жизнь.

Всякое у нас было. И я порой взбрыкивала, осознавая, что Миша развивается и реализует себя на полную катушку, в то время как моя жизнь проходит без самой меня, и он иногда вел себя как солдафон с эмоциями табуретки. Но несмотря ни на что, мы остались вместе. Нам очень повезло в одном

— мы действительно любили друг друга.

Кстати, я прекрасно понимала, что в какой-то степени причастна к изобретениям мужа. Более того, с высокой вероятностью без меня, без моего беззаветного служения ему, их было бы существенно меньше. Я сделала все, чтобы создать творческую и спокойную атмосферу в доме, редактировала его статьи и доклады, работала «стенкой», когда Мише нужно было «думать мысль», как бы отражая ее от собеседника, была его первым слушателем и той, с кем он обсуждал свои теории, иногда помогая ему взглянуть на проблему с другой, неожиданной для него стороны. Я мало что понимала в его работе, но мой гуманитарно-интуитивный склад ума иногда помогал мужу совершенно неожиданным образом.

Порой я напоминала себе жену Генри Форда, которая держала над мужем керосиновую лампу, пока тот собирал свой первый автомобиль в сарае. Но я не повторила ее судьбу. Великий промышленник с удовольствием принимал от Клары Форд ту часть брачной клятвы, в которой говорилось про разделение горестей, но забыл разделить с ней радость, когда наконец разбогател, променяв верную соратницу на молодую любовницу. Меня же, когда я «поизносилась», ни на кого не променяли, даже, кажется, стали любить еще сильнее. Хотя, возможно, Миша с возрастом просто стал более сентиментальным.

В общем, когда настал момент истины, я отправилась с ним в Шотландию. А дальше... дальше был нескончаемый

ужас.

Мы сидели в убежище многие-многие дни: и пока весь мир был объят ядерным огнем, и пока анализаторы показывали смертельный уровень радиации повсюду. В конце концов у нас начали заканчиваться запасы пищи и воды. Конечно, бункер был подготовлен очень серьезно: здесь имелись и консервы, и сублимированные продукты, и холодильники, и маленькая гидропонная ферма и даже синтезатор пищи, который, правда, производил на вкус отменную гадость, даром что полезную. Но когда счет нашего там пребывания пошел на годы, мы поняли, что нам всего этого не хватит.

Мало-помалу начали отказывать источники энергии, и нам раз за разом приходилось выбирать, что оставить в рабочем состоянии, а чем пожертвовать. Самым же главным нашим сокровищем в плане производства энергии являлся мини-термоядерный реактор. Его мощь тоже не была безграничной, но он и искусственный интеллект оставались двумя самыми важными факторами нашего выживания.

Постепенно люди, запертые в четырех стенах без возможности увидеть небо, начали сходить с ума. Не помогали ни психологические программы, ни жесткие карательные меры. И тогда было принято решение отправить на разведку на поверхность пару человек. А вдруг вопреки показаниям приборов, на земле все-таки есть возможность жить? ИИ отговаривал нас от этого, но мы были людьми, уже теряющими разум, и мы хотели дышать...

Отправленные вернулись с одним-единственным сообщением: «Пепел. Там один пепел...»

Они умерли через несколько дней из-за ударного воздействия радиации. Их не спасли ни специальные костюмы, которые они надевали на выход, ни наша медкапсула, которая сумела лишь ненадолго продлить им жизнь.

И тогда разверзся ад.

Мы день за днем лишались остатков рассудка... Люди начали убивать других людей, кто-то добровольно прощался с жизнью, не видя иного выхода, кто-то в приступе безумия ломал драгоценную технику. Последней каплей стало массовое отравление едой из синтезатора — что-то в его сложных процессах пошло не так, и все, кто ел эту пищу, погибли. Включая моего Мишу...

И тогда оставшийся в живых командир, не зная, сможем ли мы вообще дожждаться безопасного выхода на поверхность, принял решение ввести всех в стазис. Этот вариант был заготовлен на самый-самый крайний случай, так как технология анабиоза считалась еще не полностью надежной. Но ждать дальше не имело смысла.

Мы легли в заранее подготовленные капсулы и заснули. Весь контроль над убежищем и над нами теперь полностью принадлежал ИИ. Он-то мне и рассказал, что произошло потом.

Шли годы, превращаясь в века. Постепенно анализаторы начали показывать, что среда за пределами бункера стано-

вится безопасной. И через некоторое время ИИ принялся пробуждать спящих. Но он смог разбудить, увы, не всех.

Часть капсул все же вышли из строя, и тела, находящиеся внутри, погибли. Перед тем, как это случилось, ИИ полностью оцифровал мозг спящих — со всей его памятью и прочим — и перенес их личность в инфосреду.

По стечению обстоятельств почти все эти капсулы занимали женщины. Среди этих женщин была и я.

Так что часть людей осталась в убежище в виде оцифрованных матриц, а те, кто выжил в полном смысле этого слова, отправился покорять просторы новой земли.

Поначалу они и даже их дети еще приходили обратно в бункер за теми или иными вещами, затем — все реже. А потом настал день, когда никто не пришел. Люди из убежища полностью ассимилировались с остатками чудом выжившего человечества и стали вести совсем другую жизнь. Жизнь землепашцев, собирателей, охотников, мастеровых, живущих лишь от плодов собственного тяжелого труда. Все знания забылись, стерлись, будто их и не было.

ИИ, проанализировав ситуацию, создал множество наноботов, внедренных в бактерии, и возвел вокруг бункера, спрятанного в холмах, невидимое биотех-поле реагирующее на определенный генетический код — код тех людей, что жили в убежище. Теперь внутрь холмов могли проникнуть лишь наши потомки.

И снова прошли века.

Общество снаружи развилось до феодального строя. Но, конечно, местная жизнь не была полностью похожа на существование в те, прежние, Средние века. Все было немного не так, немного по-другому, хотя, надо признать, какие-то вещи повторились в своем неизменном виде.

Обнаружив, укрытые невидимой защитой холмы, местные жрецы-друиды начали поклоняться им, считая местом обитания богов. Охранный купол, прозванный Пределом Ветров, отталкивал всех, но однажды люди заметили, как забредшая в эти земли юродивая женщина смогла пересечь невидимую линию и двинуться к древним курганам. Через три дня она вернулась обратно — и разум ее уже был вовсе не так затуманен, как раньше. Вскоре друиды поняли, что боги даровали ей удивительные знания, применив которые, можно было существенно улучшить жизнь. Но эта женщина так и осталась одной в своем роде на долгие десятилетия, пока не произошел еще один подобный случай.

Конечно, дело было в том, что та юродивая принадлежала к потомкам людей, вышедших из бункера. Убежище раскрыло перед ней свои двери, а наш ИИ, проанализировав состояние ее мозга, счел этически возможным сделать «пересадку личности». Он пробудил инфоматрицу одной из женщин и с помощью наноботов перенес ее разум в тело этой несчастной сумасшедшей.

Так из холмов вышла совершенно новая личность — ее тело принадлежало этому миру, а ум достался от жительни-

цы мира прежнего.

Поняв некоторые принципы, по которым действовал Предел Ветров, друиды принялись сами искать подходящих женщин и даже придумали целый ритуал для тех, кого посылали в холмы. Иногда ритуал «срабатывал», а иногда ИИ принимал решение упокоить очередную пришедшую из гуманных соображений — она и так уже была не жильцом, по его мнению. Тела этих женщин исчезали, поглощенные все теми же биотех-бактериями.

Теперь же настало мое время.

...В бункер вошла худая изможденная девушка с бело-пепельными волосами. В глазах ее была пустота и пугающее, будто нечеловеческое, отсутствие смысла. Смысла всего на свете. Теперь ее разумом должна была стать я.

Глава 3. Ноэль. Жизнь до...

Открыть глаза в новом теле оказалось невероятно сложно. Будто тонны песка давили мне на веки. Но едва я это сделала, на меня обрушились все остальные, так давно забытые ощущения: холод, твердость пола подо мной, боль в теле, само тело... Не мое, но — мое.

Я приподнялась на локте, ощущая совершенно невыносимую слабость, затем села, вытянув худющие ноги и опираясь спиной на стену.

— Проследуйте в медицинскую капсулу, — произнес ИИ нейтральным голосом, который мог принадлежать, как мужчине, так и женщине. — Ваше тело нуждается в медпомощи. Пока вы будете проходить обследование и необходимые процедуры, я разблокирую воспоминания мозга, необходимые для адаптации в новой среде.

— Кап... капсула исправна? — прохрипела я. Горло раздирало, словно его кто-то натер наждачкой.

— Исправна, — после микропаузы ответил ИИ.

Я еле доползла до аппарата, завалилась в него и, кажется, тут же отключилась.

Сколько я провела там, точно не знаю, но все это время мне снились удивительные сны. В них я видела *свою* жизнь в этом мире...

Двадцать лет назад в семье лорда-князя Джозефа Торна, главы клана Торнов, родилась девочка. Вся в мать, Алисию Торн, с белыми волосиками на крохотной голове и такими же необычными глазами — серыми с легким лиловым отливом. Была она уже седьмым ребенком в этом семействе, причем четвертой из дочерей, так что ее отнесли к жрецам на благословение, нарекли красивым именем Ноэль, выделили кормилицу и... благополучно про нее забыли. Кто там думает об этих девчонках, когда клану нужны сильные мальчишки — их и принялась рожать прилежная Алисия.

У Ноэль еще был шанс вырасти в относительно благополучии, если бы в шесть лет с ней не приключилось несчастье.

— Это мама мне сделала! Смотри, Джинни!

Я кружусь перед сестренкой, показывая, какими красивыми волнами развевается моя новая юбка, пошитая в цветах нашего клана — серо-сине-зеленая. Такая красивая вещь, да еще принадлежащая лично мне, у меня впервые, и я не могу сдержать радость. Обычно ведь я все донашиваю за своими сестрами. Джинни — на два года меня старше — лишь громко фыркает:

— Расхвасталась тут, мелочь белобрысая. А ну иди кроликов кормить! Тебе мама что велела!

Хоть мы и княжеские дочери, однако клан наш мал и бе-

ден, и мы должны работать наравне со слугами. И если мои братья избавлены от поденного труда, так как предполагается, что из них нужно вырастить воинов, а не работников, то мы, девочки, с ранних лет знаем, что такое ухаживать за птицей, доить коз, пасти овец и заниматься прочими домашними делами. А те, кто постарше, учатся и более сложным вещам: ткать, прясть, шить, вышивать — мало ли какое умение понадобится в клане будущего мужа.

Разве что старшая из нас, пятнадцатилетняя Розалия, избавлена от этих трудов. Ее прочат в жены Эдмунду Ламберту семнадцати лет от роду, наследнику лорда-князя Грэя Ламберта. Когда-то этот клан был весьма влиятелен, но те времена остались давно позади. Бесконечные войны с соседями разорили большую и богатую общину, и теперь даже такой захудалый клан, как Торны, имеет шансы породниться с обедневшими задаваками. В общем, Розалию берегут и воспитывают как истинную княжну, не нагружая трудами.

А вот я должна выполнять свои обязанности. Поэтому после слов Джинни с моих губ сползает счастливая улыбка, и я, вздернув подбородок, удаляюсь к клеткам с кроликами. Я гордая девочка и не собираюсь показывать сестре, что расстроена, зато с удовольствием показываю ей язык. Она верещит и пытается швырнуть мне вслед комок влажной земли, чтобы замарать новенькую юбку. Но я ловко уворачиваюсь, убегая прочь.

Однако возмездие настигает меня даже возле клеток, ко-

гда я уже сижу на корточках, прилежно убирая из них сгнившую траву и подкладывая свежую.

— Эй ты, крыса-белобрыса! — окликает меня Десмонд.

Он брат-близнец Джинни, и у них двоих гораздо более тесная братско-сестринская связь, нежели между всеми нами.

Десмонд меня не любит, часто задирает и не гнушается засунуть лягушку за шиворот. Вот и сейчас, увидев, что я посмела неуважительно обойтись с Джинни, он встает на ее защиту. Правда, защита его, как обычно, жестока и несоразмерна. Брат хватает меня за волосы и волочит куда-то прочь от кроликов. Я кручусь, отбиваюсь и стараюсь вывернуться, но Десмонд слишком силен, он каждый день тренируется с отцом, сражаясь на мечах, и против него я бессильна.

Мои ноги начинают скользить по грязи, и я наконец понимаю, куда меня притащили. За клетками и большими сараями есть огромная канава, куда часто сливают помои, сейчас, после недели непрерывных дождей, она еще и доверху полна воды.

— Нет! — начинаю вопить я, пытаюсь укусить Десмонда за некстати подвернувшуюся руку.

От этого он еще больше свирепеет и со всего размаху швыряет меня в канаву. Я падаю туда плашмя, а жидкая воючая грязь с громкими чавками начинает поглощать меня, заливая нос, уши и глаза. Я уже даже не боюсь того, что испортится драгоценная сшитая мамой юбка, просто стара-

юсь выбраться, не нахлебавшись грязюки. Но это совершенно безнадежно.

— Будешь знать как выпендриваться, крыса! — Десмонд ржет, словно дедушкин боевой конь. — Ишь, вздумала юбчонкой кичиться. Да Джинни мать десятков таких нашьет!

И он уходит, оставив меня барахтаться в отвратительной жиже. Брат не собирается причинять мне непоправимого зла, только гадко проучить, но, убежав по своим мальчишеским делам, через пару минут он попросту обо мне забывает.

Рукам не за что зацепиться, ноги скользят, не находя никакой опоры, рот забит мерзотной коричневой слизью. Отбросив всякую гордость, я зову на помощь, но как на грех никого рядом нет.

Я лезу наверх, срываюсь, лезу, срываюсь, лезу, падаю спиной назад и невольно глотаю залившуюся в горло жидкость...

Кто и когда заметил, что меня долго нигде не видно, я не знаю. Но меня находят. Захлебнувшуюся, плавающую спиной вверх. Кто-то начинает выть, кто-то стучит меня по спине...

Свою дальнейшую жизнь я помню так смутно, словно гляжу в мутное-мутное стекло.

Я больше не та Ноэль, которой была. Я теперь все время что-то забываю: слова, людей, вещи. Порой я не помню, что надо мыться и зачем нужна одежда и обувь. Говорят, у меня есть отец, мать и много братьев и сестер... Да, наверное. Но,

кажется, они больше не любят меня. Они прячут меня ото всех.

Я больше не княжеская дочь. Я никто.

Я живу в странном месте — там только солома и голые деревянные стены. Ко мне приходят люди и чем-то кормят, оно неприятное на вкус, но инстинкт подсказывает, что все равно надо есть. Мои волосы спутаны, зубы давно не чищены, а одежда превратилась в лохмотья — все это меня больше не волнует.

Я часто выхожу гулять и в одиночестве брожу по холмам и в старой дубовой роще, где вкусные запахи земли, травы и мокрой древесной коры. Я могу сорвать с дерева лист и жевать его — меня никто не останавливает, как раньше.

Когда меня встречают местные мальчишки, они швыряются камнями и могут ударить палкой. Из-за этого я всегда хожу в синяках. Они кричат что-то, наверное, обидное, но я лишь улыбаюсь им. Я не хочу, чтобы меня били. Но они бьют. И, бывает, натравливают своих огромных псов. Странно, но собак я не боюсь. И те почти никогда меня не трогают.

Зимой я почему-то больше не мерзну, как это бывало в прошлые годы, хотя порой с удивлением наблюдаю, как дрожит мое тело, укрытое лишь тонким рваным одеялом. Летом я не чувствую жары. Может, вообще зимы и лета не существует? И весны. И осени.

Все — туман.

Иногда мне снятся сны, в которых яркие фиолетовые ис-

кры зовут меня домой. Но где мой дом?

Мне кто-то помогает жить. Точно помогает. Иначе я бы умерла с голоду. Однако я жива. Я расту. Я изменяюсь.

Однажды ко мне приходят необычные люди в коричневых балахонах. Они отводят меня в теплое место, кормят досыта и дают поспать. Затем моют, расчесывают мои волосы, натирают зубы порошком с мятой, заставляют сполоснуть рот водой. На меня надевают чистую белую рубашку до пят и опять куда-то ведут.

Я стою на холмах и ступнями чувствую покалывающие стебельки растений. Люди в балахонах говорят мне, чтобы я шла прямо, и я иду.

Вдруг я вижу фиолетовые искры из своих снов. Почему-то я радуюсь. Мне кажется, что я наконец пришла домой. Искры ведут меня, и я послушно следую за ними.

А затем просыпаюсь от долгого-долгого сна.

Глава 4. Начало новой жизни

Мне было страшно выходить из убежища. Очень страшно. Тут я находилась в каком-то защитном коконе — и я не про физическую, а скорее, про психологическую защиту, — а там, снаружи, меня ждал совершенно новый, пугающий мир.

За три дня ИИ с помощью еще работающей в бункере техники привел меня в порядок. Полина Рождественская соединилась с памятью и телом Ноэль Торн, получив вдобавок ускоренный курс обучения местному языку и письменности. Эти знания были позаимствованы нашим искусственным интеллектом у пришедших в бункер потомков выживших в катастрофе (или, как здесь говорили, Великой Казни). Язык, кстати, оказался любопытной смесью английского и гэльского с вкраплениями французского и еще пары европейских наречий.

Медкапсула, пребывающая на последнем издыхании, подлечила мое тело, избавив его от хронической пневмонии, ангины и прочих воспалительных процессов, бродящих по всему организму, а также — застарелых шрамов и синяков. Немного укрепила кости и суставы, а в качестве косметологических процедур, увлажнила кожу и убрала дерматит с затылка и левого бока.

Но главное, я как бы синхронизировалась сама с собой,

единой в двух ипостасях. Подозреваю, что ИИ подключил какие-то специальные программы, влияющие на мое психологическое восприятие действительности, иначе такое слияние вряд ли прошло бы безболезненно для психики.

Кто я теперь?

Меня тянуло откликнуться на имя Ноэль, но ощущала я себя в большей степени, как та, прежняя, Полина. И все же была одной личностью.

И эта личность жутко боялась выйти наружу.

А сделать это было необходимо. ИИ поделился со мной удручающими фактами: за столетия система бункера совершенно износилась, мини-реактор почти исчерпал себя, и значит, вскоре здесь все может прийти в негодность. Но самое основное — в убежище не было еды. Так что, если я хочу жить, мне нужно сделать «шаг веры».

И... я его сделала.

— Прощай, — прошептала я, касаясь металлической двери бункера, раздвинувшейся при моем приближении. Кажется, говорила я это не только и не столько убежищу и искусственному интеллекту, сколько всей своей прошлой жизни...

С собой в качестве последнего подарка я уносила три инфокристалла в виде небольших фиолетовых камней, похожих на аметисты. Действовали они автономно, так как были скрещены с настроенными на мою ДНК бактериями и не зависели от внешнего источника энергии, однако срок их дей-

ствия все же ограничивался несколькими годами. В кристаллах была записана полезная для меня информация, также могущая помочь в развитии местного общества, если, конечно, это общество вообще захочет развиваться. В чем у меня были серьезные сомнения.

— До свидания, — доброжелательно отозвался ИИ. — Заходите, если потребуется консультация. Пока это еще возможно.

...Снаружи холмов было зябко. Октябрьские ветра сбивали с ног и проникали прямо в душу, тревожа ее своим суровым приемом. Закатное солнце окрашивало вересковую пустошь в живописные, но тревожные багряные тона.

Я вышла из бункера все в той же тонкой рубашке и без обуви, сжимая кристаллы в руке. Тьма побери этих жрецов со своими ритуалами — отправили бедную девочку босую и раздетую «богам» на растерзание! Я бы, может, и взяла одежду из убежища, но за столько веков там уже ничего не осталось, все забрали те, кто уходил обживаться в новом мире.

Я взглянула вдаль, за барьер — на соседнем холме в долине по-прежнему стояли в ритуальном кругу друиды, и один из них, возвышающийся рядом, вперил в меня острый цепкий взор.

Вздыхнув, я двинулась прямо к нему. Все равно сейчас мне больше некуда было идти.

— Лорд Ламберт! Лорд Ламберт, постойте! Она вышла! — крикнул брат Аодхэн в спину удаляющемуся князю. Тот решил, что ждать уже бесполезно, и направился к лошади, привязанной поодаль от места ритуала. — Милостью богов, ваша невеста вернулась!

Эдмунд Ламберт замер и медленно развернулся к Пределу Ветров.

Все та же хрупкая девушка со светлыми волосами, приведенная сюда три дня назад, спешила прочь от холмов, ёжась от пронизывающего холода. Но на сей раз она выглядела гораздо более целеустремленной. Оглядев ее с головы до ног, размашистой походкой лорд-князь решительно зашагал обратно к жрецам.

Они с девушкой достигли брата Аодхэна одновременно.

— Боги благословили тебя, Ноэль Торн, — проговорил друид, возлагая крепкую длань на ее голову в осеняющем благодатью жесте. — Теперь ты станешь женой лорда-князя Ламберта и принесешь процветание его земле. А если нет, то берегись мести богов. Таранис-громовержец покарает тебя, а Бригита-мать не обнимет при встрече в ином мире. Сейчас мы...

И вдруг Ноэль перевела взгляд на князя. Она вся тряслась, но явно не от страха. А в глазах ее — теперь таких неожиданно ясных и умных — читалась вполне явная просьба.

— Довольно, брат Аодхэн, — произнес Эдмунд, скидывая

с себя кафтан и укрывая им девушку. — Все дополнительные ритуалы потом. Ты же видишь, она замерзает, того и гляди богам душу отдаст.

— Как прикажете, лорд-князь, — легонько наклонив голову, произнес друид, и тут же смолкло пение остальных жрецов.

Эдмунд Ламберт, словно пушинку, подхватил на руки совершенно невесомую Ноэль и понес ее к лошади. Не заставляя же бедную идти босиком.

— Благодарю вас, — услышал он шепот прямо рядом со своим ухом.

И девушка теснее прижалась к его груди, стараясь спрятаться от пронизывающего ветра.

На мгновение князь ощутил слабый укол где-то в глубине сердца, но даже не понял, что это было, просто продолжил шагать вперед. Впрочем, неудивительно, что он не обратил внимания на странное движение души, ведь до этого момента он никогда не испытывал нежных чувств ни к одной женщине.

Глава 5. Первые трудности

— Она ведьма! Разве ты не видишь?

Этот голос я уже успела хорошо запомнить за ту неделю, что жила в доме-крепости лорда Эдмунда Ламберта. Тонкий, высокий, с едва заметными визгливыми нотками, он принадлежал великолепной Лидии Мирей, первой красавице здешних мест и по совместительству любовнице моего будущего мужа.

— Ее выбрали жрецы, значит, считают ее достойной.

А вот второй голос был гораздо более мягким и женственным, и его обладательницей являлась Камайя Ламберт, одна из сестер лорда-князя, высокая стройная девушка лет двадцати трех, тоже с недюжинными внешними данными. С такой внешностью она должна была давным-давно выйти замуж и уже вовсю рожать детишек, на которых тут никто не скупился ввиду отсутствия контрацептивов, но по неизвестной мне причине задержалась в родительском гнезде. Не считать же непреодолимым препятствием для брака ее небольшую хромоту? Но скорее всего, я просто чего-то не знала, а посвящать меня в дела семьи никто не спешил.

— «Выбрали жрецы»!.. Да где они вообще откопали этот свой древний ритуал? Кому он нужен?! Притащили в дом какую-то помешанную, навязали Эдмунду в невесты. И что, она теперь всем тут заправлять будет?! Она же чокнутая!

Ведьма! И почему вдовствующая княгиня молчит, неужели она потерпит, чтобы ее сын женился на юродивой?

— Но эта девушка уже не блаженная, боги холмов исцелили ее, — спокойно произнесла Камайя. — Странности у нее, конечно, есть, однако, надеюсь, что со временем она пообтешется. К тому же Ноэль — княжна из достойного рода.

— Пф! — фыркнула красотка. — Какой еще достойный род? Эти Торны копаются в свином навозе наравне со своими слугами. Они же бедняки!

— Лидия, ну что ты так возмущаешься? Ты всегда знала, что Эдмунд рано или поздно женится. Не рассчитывала же ты, в самом деле, стать супругой моего брата?

— А почему нет? Камайя, я ведь тоже из хорошего клана. Пусть не княжна, но Эдмунд заметил меня, ввел в свой дом. И ты сама говорила, что была бы не прочь иметь такую невестку, как я.

Сестра лорда вздохнула:

— Я и не прочь. Но против воли богов не пойдешь. Да и разве я тебя не предупреждала насчет Эдмунда? Не надо было прыгать к нему в постель, лишь он пальчиком поманил, тогда, глядишь, и стал бы воспринимать тебя всерьез. Лучше уж с Габриэлем бы осталась, честное слово. Но нет, тебе же захотелось большего — стать женой лорда-князя, а не его брата.

— Камайя, что бы ты обо мне не думала, ты должна помочь мне. Ты ведь не хочешь, чтобы эта белобрысая ведьма

стала княгиней Ламберт?

Я сидела у пруда, завернутая в толстый шерстяной плед и скрытая наполозшим с воды туманом и густыми кустами шиповника. В полуразрушенном замке, который здесь гордо именовали родовым домом, царил такой жуткий холод, что на улице казалось даже теплее, так что я выбралась «погреться» и поразмышлять на природе. Обе девушки, прогуливаясь, как на грех остановились поболтать возле моего укрытия, и я никак не могла сбежать, так как тут же была бы обнаружена. Вот поэтому и приходилось смиренно сидеть, выслушивая все то, о чем и так шептались в семействе Ламбертов все, включая слуг.

Но я бы соврала, если бы сказала, что разговор был мне неинтересен. Все же он напрямую касался моей жизни. Вот, например, интересно, что сейчас ответит сестра лорда?

— Скажем так, Ноэль не вызывает у меня раздражения. Кроме того, как мне кажется, Эдмунд и наша мать рассчитывают, что ей будет легко управлять. Ну и самое главное — если она действительно окажется Даром богов, наш клан сумеет поправить свои дела, а это дорогого стоит, — отозвалась Камайя после небольшой паузы.

— Не окажется! Это все сказки друидов, и удивительно, что кто-то в них до сих пор верит. Ладно, я тебя поняла, ты совсем не собираешься мне помогать, — разочарованно пробурчала недовольная Лидия.

— Я даже не знаю, как могла бы помочь. Да и что ты так

волнуешься? Ты ведь все равно останешься при Эдмунде. Вряд ли он прогонит тебя только потому, что собирается жениться. Уж поделите его как-нибудь на двоих. Ноэль, конечно, будет неприятно, но не она первая оказывается в таком положении.

— Я не собираюсь его ни с кем делить!

— Тогда что ты хочешь предпринять...

Тут девушки, видимо, решили пройтись дальше, потому что голоса их начали отдаляться, пока окончательно не растворились в тумане.

Я наконец рискнула подняться и встала, крепко сжимая озябшими руками концы пледа.

— Прекрасно, — проговорила я в пустоту. — Мало того, что замуж выдают, не спросив, так еще и это терпеть. Нет уж, дорогие мои девочки, давайте как-нибудь обойдемся без лишней драмы в этой пьесе...

Разумеется, я понимала, куда попала, и не имела иллюзий насчет своего положения в клане Ламбертов, но официальная любовница — это уже было слишком даже для разумной и готовой к компромиссам меня.

А «положение» у меня было весьма простое: либо я выхожу замуж за фактически незнакомого мне человека, однако — высокого рода, и с перспективой стать хозяйкой маленького, но все же княжества, либо оказываюсь в глухой нищете семейства Торн, откуда у меня не будет иного выхода, кроме как — опять-таки! — замуж, но уже не пойми за кого.

Здесь, увы, не тот мир, где имеют хоть какое-то понятие о правах женщин и есть возможности для карьерного роста. На многие мили вокруг — вересковые пустоши, леса, рощи, скалы и куча периодически воюющих между собой кланов. Кланов, где правят сильные, зачастую жестокие мужчины. Куда бы я ни пришла, везде меня ждет одно и то же.

Более того, убежав из-под крыла Эдмунда Ламберта, я стану легкой добычей любого мужика, посчитавшего, что одинокая леди вполне сойдет для того, чтобы согреть ему постель на ночку-другую. Понятия чести и определенные жизненные принципы в этом обществе, конечно, есть, иначе оно бы просто сожрало само себя, но женщину-одиночку тут воспринимают по большей части, как гулящую бабу, доступную всем желающим, ну или как почтенную вдову-матрону, которая успела заслужить уважение у своих соседей, а посему ее трогать нельзя. По возрасту я на матрону не тяну, так что выводы, которые сделают мужчины, очевидны.

Да и то все эти гласные и негласные правила действуют лишь пока не началась очередная межклановая войнушка. А во время таких стычек и жизнь человеческая становится дешевле дыма на ветру, и честь женская в размен идет, не глядя.

В общем, выбор у меня — без выбора. Пока. А там видно будет. Превращаться в покорную жену и бесправную княгиню я не собиралась. Раз уж Бог на небесах и искусственный интеллект на земле дали мне шанс на вторую жизнь, я не мо-

гу просто взять и профукать его. В конце концов, зря я, что ли, изучала в институте социологию. В той жизни применить не получилось, вдруг сработает в этой?

Вспомнив про прежнюю жизнь, я тут же подумала о Мише... Все-таки ИИ знатно поработал над моей психикой. Я еще не определилась, быть ли ему за это благодарной, но фигура моего мужа воспринималась мной, как нечто дорогое и любимое, но уже бесконечно далекое. Будто с момента нашего расставания прошли века. Впрочем... ведь так оно и было.

Поплотнее укутавшись в плед, я побрела обратно к замку. Кое-какие насущные вопросы, например, с гигиеной, нужно было решать уже сейчас, не дожидаясь свадьбы. А то искупаться мне удалось пока лишь один раз, неделю назад. Когда лорд-князь привез меня домой, то распорядился нагреть целую огромную бадью воды, чтобы я могла хоть как-то прийти в себя после забега по полям в раздетом виде. Но это и все. А мне хотелось завести все-таки немного другие правила на этот счет.

В дверях крепости я внезапно столкнулась с Лидией. Видимо, та уже закончила прогулку с сестрой лорда и теперь спешила куда-то по своим делам.

Я хотела просто пройти мимо, но не тут-то было. Лидия шагнула вперед и перегородила мне путь.

— Слушай ты, белая ведьма, если думаешь, что выйдешь замуж за Эдмунда и прогонишь меня, так не надейся. Я —

женщина лорда и останусь с ним навсегда! — сверкнула она на меня зеленущими глазами и гордо тряхнула пышной черной гривой волос.

Но если девушка думала смутить меня своей речью, то просчиталась. Я ведь теперь совсем не та «блаженная Ноэль», что была раньше.

Даже немного жаль, что обращение на ты здесь было практически повсеместным: за исключением главы клана, его матери и жены (если она у него была), все «тыкали» всем. А то я могла бы начать хотя бы с этого. Но — рано. Я еще не жена.

— Ты была с лордом-князем до меня, — негромко ответила я, глядя прямо ей в глаза. — Спасибо, что грела его постель и поддерживала должный огонь в его чреслах. Теперь он вполне готов к браку со мной.

После чего я обогнула выпучившую глаза Лидию и пошла в выделенную мне на задворках крепости комнатку.

— Посмотрим, доживешь ли ты до этой свадьбы, ведьма, — услышала я шипение у себя за спиной.

Уважаемые читательницы! Начинаю знакомить вас с другими книгами нашего необычного литмоба.

В увлекательнейшем романе Дмитрия Лима "Выбор Алессы" вас ждут:

**#магия
 #быт и выживание
 #второй шанс
 #обязательный ХЭ**

<https://litnet.com/shrt/9J2G>

Глава 6. До свадьбы

До свадьбы я дожила. Подозреваю, что по одной простой причине — с этим событием не стали тянуть.

Жениху и невесте неплохо бы познакомиться друг с другом, прежде чем жениться? Нет, не слышали. За три недели, что прошли с момента нашей первой встречи, лорда Ламберта я видела лишь несколько раз, он постоянно находился в разъездах, посещая не только свое хозяйство, но и соседних лордов, иногда оставаясь у них на ночь.

Мать Эдмунда, вдовствующая княгиня Мойна Ламберт, заметив мое недоумение из-за постоянного отсутствия князя, снизила до объяснений: оказывается, лорд-протектор Преттании решил позвать на военный совет северных князей, так как на юге назревает серьезный бунт, подпитываемый зачинщиками с материка. И сейчас все местные главы кланов обсуждают, отправляться ли на помощь правителю или предоставить ему самому решать проблемы юга, при помощи князей Равнины.

Преттания, негласно делившаяся на Равнину и Нагорье, так и не стала полноценной монархией. Страной-островом де юре управлял лорд-протектор, или верховный защитник, под его крылом находился двухпалатный Совет и своя маленькая армия. Кроме того, его поддерживали наиболее крупные землевладельцы. Но по факту разрозненность кла-

нов не позволяла считать страну по-настоящему единой. Каждый лорд-князь обладал достаточной свободой, чтобы вершить свои дела единолично, вспоминая об общем благе, лишь когда ему это было выгодно.

Впрочем, жителей материка никто из преттанцев не любил и не желал, чтобы они вмешивались в дела острова и уж тем более захватывали здесь земли и власть. Это была общая угроза. Так что вероятность того, что северные лорды откликнутся на призыв верховного защитника, была довольно высокой.

Для меня этот факт означал, что Эдмунд Ламберт женится на мне в самом скором времени, ибо потом этого времени может и не быть.

Моей подготовкой занялась сама вдовствующая княгиня, но готовилась я не к собственно к свадьбе, а скорее к обязанностям, которые на меня свалятся после того, как я получу титул. И это меня несказанно радовало, потому что именно это обучение стало первым шагом к моему признанию в этом мире.

Я не вполне это понимала — до одного случайного происшествия, — считая, что раз меня тут не трогают, только здороваются при встрече да выделяют еду, то, возможно, так и нужно. Может, мне просто дают освоиться в новом месте. Может, мать лорда Ламберта — в принципе такая сухая и злобная тетка, которая разговаривает со мной через губу, ибо ни с кем не умеет общаться по-другому.

Но все оказалось немного не так, как я решила поначалу.

Через пару дней после нашего столкновения с Лидией я вновь выбралась из дома, чтобы побродить по окрестностям, а заодно составить более ясное представление о том, как здесь живут люди.

Не далее как вчера Эдмунд Ламберт провез меня по трем поселениям, относившимся к нашему княжеству, где представил в качестве будущей жены и хозяйки этих земель. Не могу сказать, что ко мне отнеслись тепло. Друидов тут почитали, но отнюдь не спешили принимать навязанную ими невесту для лорда. Да и внешность у меня не способствовала мгновенному доверию: странные белые волосы и очевидная субтильность отпугивали крепких кряжистых мужиков и их не менее внушительных женщин, обладающих сплошь русыми, рыжими и черными шевелюрами. И я не могла упрекать людей. Даже в выданном мне платье, привычного для местных кроя, и простом сером шерстяном плаще я все равно выглядела как подозрительная чужачка.

Я, кстати, примерно могла предположить, от кого Алисия Торн (а вслед за ней и я-Ноэль) унаследовала столь приметные локоны. Была в нашем бункере одна скандинавка с точно таким же цветом волос, похоже, она и стала родоначальницей семейства, в котором родилась Алисия. Не знаю уж, как моей матери с таким «дефектом» удалось завоевать доверие людей в клане, но мне предстояло справляться с этим самой.

Ни с Джозефом Торном, ни с Алисией мне еще не дове-

лось пообщаться. По слухам, они должны были прибыть на свадьбу, но и только. Никто из моей семьи не спешил заключить в объятия чудом исцеленную дочь и сестру. Впрочем, и их я осуждать тоже не могла. Они давно меня заживо похоронили, и теперь с трудом принимали мысль о моем воскресении. Подозреваю, радовала их только возможность все-таки породниться с кланом Ламбертов. Если уж не удалось повернуть этот фокус с Розалией, то, может, получится хотя бы со мной?

Розалию мне было очень жалко. Как ее ни оберегали, но от всего не убережешь. Спустя полгода после несчастного случая, отобравшего у меня разум, мою старшую сестру, имевшую неосторожность забраться слишком глубоко в лес в поисках хвороста, загрыз отбившийся от стаи волк. Пусть сейчас я и не воспринимала Торнов, как семью, но бедная девочка точно не заслуживала такой страшной судьбы.

А леса, кстати, здесь после катастрофы выросли отменные. Теперь они снова, как много веков назад, занимали огромную площадь острова, и в них постепенно вернулись те виды животных, которые жили здесь задолго до Великой Казни, а точнее даже задолго до начала индустриальной эпохи моего мира.

Правда, насколько я могла видеть, нынешнее население острова с энтузиазмом готовилось повторить ошибки своих предков, точно так же безжалостно вырубая деревья под пашни и пастбища и используя их для производства древес-

ного угля. Кроме того, уже началось бездумное осушение торфяников, что обезвоживало леса и приводило к их постепенному вымиранию. Но все же до экологического бедствия было еще очень далеко, и в нынешних преттанских лесах можно было встретить и медведей, и волков, и лис, и лосей с оленями, не считая всяких мелких хищников и травоядных.

В общем, после того, как лорд-князь показал меня людям клана, я сочла своим долгом пойти и познакомиться с тем, как они живут, как работают и, что называется, чем дышат. Выйдя из крепости, я направилась в сторону самой близкой к нам деревни под названием Дунмор, начинавшейся чуть ли не от самых ворот деревянного забора, окружавшего княжеский дом.

На недалекие расстояния мне позволялось ходить одной, так что я неспешно брела по дороге, слушая журчание реки, берущей начало где-то в горах. Пруд, а точнее маленькое озерцо, возле замка тоже был частью этой водной системы. И любуясь окружающими красотами, я на задворках сознания практично размышляла о том, как удачно расположено княжество Ламбертов. Оно находилось аккурат посередине между одним из нагорий и долинной низменностью — иными словами, имело возможность и для нормального земледелия и для успешного скотоводства. Но судя по тому, что я видела, пользовалось оно этим преимуществом как-то вяло.

Прогуливаясь, в самую деревню я пока не совалась, лишь здоровалась с проходящими мимо меня жителями. Как и

предполагалось, они приветствовали меня скупой и настороженно. Но вот где-то вдалеке мелькнула знакомая юбка в сиренево-лиловых цветах клана Ламбертов, и я на мгновение задержала шаг. О, кажется, это моя будущая свекровь... Интересно, что она тут делает? Просто гуляет, как и я? Или навещает своих подданных? Вместе с ней шел воин-сопровождающий, скорее подчеркивая ее статус, нежели в самом деле от чего-то оберегая. Потому что вряд ли матери лорда-князя могло что-то грозить в ее собственных землях.

В этот момент Мойна Ламберт, пригнувшись, нырнула в дверь маленькой хижины, угнездившейся неподалеку от большого серого валуна, вставшего в землю между деревней и утоптанной дорогой, огибающей ее. На валуне было что-то высечено — то ли узор, то ли какая-то надпись. Заинтересовавшись, я подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть камень, и тут совсем рядом со мной раздался отчаянный крик...

Еще одна интереснейшая книга нашего литмоба - это роман Киры Страйк "Рассвет над Греблом"

<https://litnet.com/shrt/Wylo>

В нем вас ждут:

**#неунывающая героиня
 #средневековье
 #выжить-нельзя-паниковать
 #приключения и быт
 #счастливый финал**

Глава 7. Испытание

...и громкий всплеск.

Вздрогнув, я обернулась — чтобы увидеть, как в бурлящей реке, отчаянно цепляясь за какую-то корягу, барахтается ребенок. Мальчишка. Совсем еще маленький.

По берегу, прижав ладошки к щекам, металась девочка чуть постарше... наверное, его сестренка.

— Эван! Держись! Помогите! Он упал, он в реке!

Ее новый крик вырвал меня из оцепенения. Даже не успев осознать, что творю, и оглядеться по сторонам в поисках более подходящих спасателей, я бросилась прямо к реке, на ходу сбрасывая с плеч тяжелый плед, в который закуталась, когда вышла из дома.

И как вовремя! Девочка уже готова сама была лезть на помощь братишке — вот глупая! утонет же! — но я успела схватить ее за руку.

— Отойди!

Времени на раздумья не было. Даже на то, чтобы снять тяжелые ботинки с длинными шнурками, которые мне выдали в первый же день по прибытии в замок.

Первый шаг в воду вырвал у меня сдавленный стон — казалось, миллионы ледяных игл впились в кожу. «А ботинки-то теперь наверняка разбухнут и испортятся», — промелькнула абсурдная мысль, пока я, поскользываясь на или-

стых камнях, пробиралась к коряге, на поверку оказавшейся корнем старой ивы, росшей на берегу. Ветви дерева нависали прямо над рекой, и, видимо, с одной из них и свалился мальчонка.

Эван увидел меня, что-то закричал, но тут же хлебнул воды и закашлялся. Сердце у меня бешено колотилось, но не от обжигающего холода — от страха, что не успею. Подобравшись поближе, я упала пузом в реку, распласталась на камнях и потянулась к мальчишке:

— Дай руку!

Эван попытался достать до меня, но течение было слишком сильным. Его пальцы, вцепившиеся в корень, побелевшие от холода и напряжения, разжались, и пацан вдруг резко ушел под воду.

Забыв обо всем, я прыгнула вслед за ним.

Ледяная вода сомкнулась над головой, выбив из легких весь воздух. На секунду мир сузился до дикого стука в висках и мутной зелени вокруг. К счастью, когда я вынырнула, Эван был рядом — течение не успело унести его далеко. Я рванула вперед, цапнула мальчишку за шиворот тонкой куртки и изо всех сил потянула к себе. Вода хлестнула в лицо, однако я успела перехватить мальчишку так, чтобы его голова осталась над поверхностью.

— Держись за меня!

Эван мертвой хваткой впился в мое плечо, а я, подхватив его одной рукой, второй изо всех сил принялась загребать

к берегу. Ноги еле касались скользкого дна, а течение так и норовило вырвать у меня мальчика из крепко сжатой ладони. «Только бы не выпустить его, только бы не выпустить», — билось в голове.

С берега донеслись крики — к нам на помощь, слава Богу, уже сбегались люди. Кто-то даже бросил веревку, но она упала слишком далеко. В конце концов я просто оттолкнулась от камня и поплыла к берегу, изо всех сил работая свободной рукой.

— Ноэль, сюда!

Грубые, но сильные мужские ладони ухватили меня за платье и потащили наверх. Я ощутила под ногами надежную твердь и инстинктивно прижала Эвана к груди, чувствуя, как его трясет.

— Отдай его! Быстрее! Вас обоих к печке нужно!

С усилием разжав не слушающиеся руки, я отпустила мальчишку, и его тут же потащили в ближайший дом, прямо по дороге пытаюсь растереть замерзшие конечности шерстяными платками. Следом за ним понеслась и его сестренка.

А вот моя попытка встать успехом не увенчалась — ноги сводило, и они попросту меня не слушались. Какая-то сердобольная женщина накинула мне на плечи тот самый плед, который я сбросила перед тем, как лезть в воду, но он тут же весь промок.

— П-пацан дышит? — спросила я, дрожа и клацающая челюстью.

— Дышит, госпожа! Все хорошо, вы успели. Только греть его надобно. Да и вас тоже.

Даже несмотря на то, что мне сейчас было самой до себя, я отметила, что женщина обратилась ко мне на вы и назвала «госпожой». А ведь подобные привилегии имела лишь семья лорда-князя...

Тут подросла еще одна местная жительница, и они обе принялись помогать мне подняться.

Лишь оказавшись наконец на ногах, я заметила Мойну Ламберт.

Высокая, сухая, с поджатыми губами, она стояла в стороне, опираясь на резной посох, с которым никогда не расставалась, и смотрела на меня странным пронзительным взглядом, от которого почему-то немедленно захотелось выпрямиться.

— Ты прыгнула в реку, даже не сняв ботинок, — произнесла она совершенно ровным, бесстрастным тоном.

Я машинально посмотрела на свои ноги. Обувь действительно была полна воды, отяжелевшая и безнадежно испорченная.

— Не успела снять, — пробормотала я, пожимая трясущимися плечами.

Мойна медленно кивнула. А потом неожиданно резко стукнула посохом о землю — и вся гомонящая и охающая толпа, собравшаяся на берегу, разом замолчала.

— Разве это не будущая хозяйка Дунмора?! — Голос

вдовствующей княгини прокатился над всей деревней. — Дунмора и всего княжества Ламберт?!

Несколько мгновений стояла полная тишина. Лишь по-прежнему живо журчала река, словно и не заметив, что в ней только что едва не погибла одна юная душа.

А затем какой-то мужчина громко крикнул:

— Наша хозяйка!

И смешанный женско-мужской хор дружно подхватил:

— Наша хозяйка! Да благословят ее боги! Не ошиблись друиды...

Слабая, почти незаметная улыбка коснулась губ строгой Мойны Ламберт.

— Так чего вы стоите? — рявкнула она. — Дайте ей виски, черт побери! И отведите скорее к печке!

Меня подхватили под руки и практически поволокли к деревенским домам. Я шла, спотыкаясь, в ушах все еще шумела вода, а с волос стекали обильные влажные потоки. Но одна мысль согревала жарче любого костра.

Эти люди сейчас называли меня своей хозяйкой.

Не потому, что я невеста их вождя. Не потому, что так им приказала мать лорда.

А потому, что я прыгнула в ледяную воду за *их* ребенком.

Вот, что оказалось важнее моего будущего титула, важнее одобрения жрецов и важнее симпатии или антипатии князя. Этот выбор люди сделали сердцем.

Кому в детстве не нравилось упасть в траву и смотреть на яркие августовские звезды? Героиня книги Галины Погореловой "Она любила звезды" напоминает нам об этом и дарит возможность окунуться в невероятные приключения.

(Только для читателей старше 18 лет.)

<https://litnet.com/shrt/2u97>

**В книге вас ждет:
 ## прогрессорство;
 ## рост героев;
 ## любовь вопреки долгу;
 ## героиня со своими тайнами и внутренней силой;
 ## молодой правитель, который вырастет в настоящего мужчину;
 ## захудалая провинция, которую герои превратят в процветающий край;
 ## интриги, противостояние, политика, религия, борьба за власть;
 ## мир после катастрофы, откатившийся к феодализму;
 ## далекое будущее человечества на другой планете;
 ## бытовое фэнтези без магии – с технологиями и здравым смыслом;
 ## хэппи-энд, насколько это возможно.**

Глава 8. Уроки от княгини

Случай в деревне стал той поворотной точкой, после которой вдовствующая княгиня начала обучать меня искусству управления землями клана. И только тогда я в полной мере поняла, что до этого меня практически не считали за человека. Ну явилась какая-то очередная девица с претензиями на титул, так вон их сколько тут бродит. Одна Лидия чего стоит.

Кстати, в какой-то момент я прямо спросила Мойну о ней. Вдовствующая княгиня одарила меня очередным нечитаемым взглядом, и я уж подумала, что она ничего не ответит, но после паузы та все же произнесла:

— Лидия — просто женщина. Красивая, с характером, но без искр разума в голове. Сначала я заметила ее рядом с одним своим сыном, потом — с другим. Она всегда была бойкой, и в какой-то момент я даже подумала, что, быть может, ее пробивная натура — как раз то, что нужно Эдмунду. Однако потом кое-что произошло, и я увидела, что у этой женщины нет принципов, только желания. А личные желания не помогут народу выжить суровой зимой, не распределят зерно и шерсть так, чтобы обеспечить весь клан, не погасят начинающийся конфликт и не разрешат спор о сбежавшей корове. Красота увянет, что останется?

— А что тогда случилось? — поинтересовалась я, задум-

чиво перебирая в руках клочки овечьей шерсти, которые мне вручила Мойна, чтобы показать, чем хорошее руно отличается от плохого. — Почему вы перестали думать о Лидии, как о достойной паре для сына?

Мать Эдмунда вдруг яростно взмахнула рукой:

— Да чтоб ее корни засохли! Она пустышка. Пустая, как бочка без эля!

На реке я уже имела возможность слышать, как ругается обычно сдержанная и серьезная вдовствующая княгиня, и в очередной раз поразилась тому, что за такой суровой внешностью и манерами прячется женщина с огненной душой.

— Прошлой зимой мы большей частью семьи гостевали у лэрда Макливи, — продолжила Мойна. — Наш замок тогда восстанавливался после набега Грегсонов, и если летом мы еще могли в нем обитать, то зимой там вымораживало все живое. Сейчас-то уже не так... Лэрд Макливи был в свое время обласкан дедом Эдмунда и имел два дома на своей земле. Потеснившись, один он отдал нам. Однажды ночью кто-то из недобитков Грегсонов поджег наше жилище. Хвала богам, тогда никто не пострадал, все успели выбежать наружу. Но как они выбегали! — Вдовствующая княгиня усмехнулась, глядя вдаль и очевидно вспоминая разыгравшуюся в ту ночь сцену. — Все взяли с собой самое дорогое. Эдмунд вынес на себе из дома двух детей, моих внуков от Миррей и Хлои, мои девочки вывели других детишек. Старый Стэн Ламберт на трясущихся руках выволок своего любимого пса,

такого же дряхлого, как он сам. Габриэль помог выбраться своей тогдашней пассии — теперь, правда, у него уже другая, я даже перестала запоминать их имена, все равно меняются, как дрозды на рябине. Даже дети протащили за пазухами кошку с котятками, жившую в доме. И только Лидия вышла одна. С ворохом своей одежды в мешке...

От нахлынувших эмоций мать Эдмунда даже пристукнула по полу посохом.

Я понимающе кивнула. Что ж, теперь стало ясно, почему зеленоглазой красотке не достались симпатии вдовствующей княгини.

— Она никогда не полезла бы в ледяную воду за чужим дитём. А может, и за своим бы не стала, — припечатала Мойна Ламберт.

Помолчав с минуту, я все-таки задала мучающий меня вопрос:

— Но как быть мне? Лидия — женщина лорда-князя, и он еще ничего не говорил по поводу ее статуса после нашей свадьбы.

Вдовствующая княгиня откинулась на прямую твердую спинку стула.

— Когда я выходила замуж за Грэя Ламберта, у меня была та же проблема. Ее звали Селией.

— И как вы эту проблему решили? — осторожно спросила я.

Мойна оглядела меня с головы до ног, затем тихо качнула

головой:

— Тебе мой способ не подойдет.

— Это почему же? — Я позволила себе бросить смелый взгляд на мать Эдмунда. — Если вы справились, то, может быть, и я смогу.

Вдовствующая княгиня вздохнула:

— Я вызвала ее на поединок.

— Поединок? — ахнула я. — Настоящий, на мечях?

— Да. Я приказала своей сопернице убираться прочь из замка Ламбертов, но она отказалась. Грэй в те дни воевал с нашими извечными врагами Грегсонами и даже не стал вникать в женские разборки. Тогда, по обычаю северных кланов, я вызвала ее на бой. У нас не только мужчинам позволено биться за женщину, но и женщины, если они воспитаны как воины, могут сражаться за любимого. А если не умеют держать в руках меч, то могут мутузить друг друга кулаками.

— И вы бились на мечях?

— Девушки тех времен были не чета нынешним сублильным девицам. Мы с Селией схватились даже не до первой крови, а до того мига, пока кто-то из нас не попросит пощады. Она была дочерью лучшего из воинов клана, отец обучил ее мечевому бою наравне со своими сыновьями. А я — дочь вождя клана Стетхэмов. Меня с детства готовили стать княгиней-воительницей. В наше время совершалось гораздо больше набегов и стычек, чем сейчас. Даже женщины старались научиться держать в руках оружие, чтобы защитить се-

бя.

— И значит... вы победили?

Мойна Ламберт громко фыркнула.

— Конечно, черт возьми! Я же не собиралась жить с таким позором, как любовница в доме моего мужа.

Я улыбнулась, мимолетно подумав о том, как причудливо развилась религия, а вместе с ней и язык в этом мире. С одной стороны, нас окружало махровое язычество, а с другой, кто-то привнес сюда ругательство «черт», но это ведь неотъемлемый персонаж христианского мировоззрения. Наверное, на материке сохранилось какое-то подобие монотеизма и христианства и проникает сюда по капле. А может, это кто-то из людей бункера подарил местным такое выражение, и оно прижилось — а чертом теперь величают какого-нибудь особо коварного местного божка.

— Владение мечом мне недоступно, — покачала я головой в ответ на рассказ вдовствующей княгини. — Биться на кулаках — означает опуститься до уровня крестьянки. Если быть честной, я не хочу в это лезть вовсе. Но... я сознаю свое положение. И не потерплю неуважения к себе.

Мойна скупно кивнула.

— Эдмунд не любит Лидию. Это главное, что тебе нужно знать. И если я вижу тебя такой, какая ты есть... то он может полюбить тебя. А что касается сражения... Ты даже не заболела после купания в ледяной воде. Может, ты и крепче, чем кажешься.

Я опустила глаза. Сейчас я не готова была рассуждать о какой бы то ни было любви и уж тем более о битве за мужчину, пусть даже целого лорда-князя. Что за чушь, в самом деле! Кому вообще нужны эти мужики? Я не собираюсь рвать волосы Лидии на потеху толпе и тому же Эдмунду. Этого они от меня не дождутся.

Видимо, почувствовав мое состояние, вдовствующая княгиня перевела взгляд на шерсть в моих ладонях.

— Так вот, у хорошей шерсти ровный кремовый или серебристый оттенок, все волокна одинаковой длины, а при повороте они поблескивают, как водная гладь под солнцем. Когда ее сжимаешь, она пружинит под пальцами и не рвется при первом же рывке. Посмотри на второй клочок. Он весь покрыт желто-серыми пятнами, а шерстинки того и гляди осыплются тебе на юбку...

Мойна продолжала объяснять, а я вдруг подумала, что внимательно ее слушаю и запоминаю все, что она говорит. После того происшествия с рекой я будто очнулась от долгого сна. До этого я ходила, словно сомнамбула, просто созерцая все вокруг, как сторонний наблюдатель. А сейчас... проснулась.

И захотела жить. По-настоящему.

В книге "Королева выжженной земли" (которая тоже входит наш литмоб "Время перемен") вас ждет

не только увлекательнейший сюжет, но и фирменные боевые сцены от Любови Оболенской и Дмитрия Силова. Такого вы не встретите ни в одном другом романе!

<https://litnet.com/shrt/PQJ4>

**#мир без магии
 #быт и выживание
 #обязательный ХЭ**

Глава 9. Накануне свадьбы

Кто я? Что я? Какая я? Чего я хочу?

Эти вопросы теперь преследовали меня каждую свободную минуту, хоть минут этих было не так много. Я смотрела на свою комнату с каменным полом, грубосколоченной кроватью и полным отсутствием каких-либо приятных глазу декоративных вещей и спрашивала себя: как я сюда попала? Зачем мне быть здесь? Может быть, мне этого не нужно? Или...

И с каждым честным ответом я рисовала образ новой себя и вглядывалась в него, чтобы понять и запомнить как следует.

Я — юная и, надо признать, красивая, какой-то холодноватой, но не отталкивающей красотой. Однако душа у меня взрослая. Поэтому я спокойна, рассудительна и умею принимать жизнь такой, какая она есть. Хочу ли я что-нибудь изменить в этой принятой жизни? Внезапный ответ... Да!

И я буду это делать. Потому что другая часть моей натуры — это полная противоположность холодности и спокойствию. Это страсть. Это ветер. Это много-много эмоций. Скрытых внутри. Наверное, поэтому я и ощутила некоторое сродство с Мойной Ламберт. Огонь, спрятанный внутри ледяных стен...

За последних несколько дней я прошла внутренний путь

от отстраненного созерцания к ясному пониманию окружающего. А теперь уже подобралась вплотную к тому, чтобы прикоснуться к этому новому миру всем сердцем и, кто знает, может даже, полюбить его.

С каждым днем люди вокруг меня переставали быть просто картинками и приобретали в моих глазах плоть и кровь. Мне нравилась Мойна, да и Камайя теперь воспринималась как живой человек. Я даже начала различать лица мужчин, окружавших лорда Ламберта.

А уж когда пришла в Дунмор, навестить Эвана с сестрой, то вообще — будто домой попала. Местные жители хоть и выглядели сурово, но стоило лишь им меня признать, как они раскрылись совсем с другой стороны. Я увидела и веселые улыбки (пусть и щербатые местами), и радостные лица, и искренние чувства. Эван же, как залез ко мне на колени, так и не слезал с них весь вечер.

Я узнала, что мальчик вместе с сестренкой Милли потеряли обоих родителей в прошлогоднем набеге Грегсонов: их отца убили, а мать похитили, и теперь никто не знает, где она. Ламберты, разумеется, ходили в ответный набег на ближайшие грегсоновские деревни, но там матери этих детишек не оказалось. Дети не теряли надежды, что однажды она вернется, но их дед с бабкой, которые взяли внуков под свое крыло, уже не ждали ее обратно.

— Попользовали да и прибили небось, — болезненно морщась, сказал мне дедушка Эвана. — Или рабыней заде-

лали. Эти Грегсоны — мерзкие отродья. Если все остальные кланы соседствуют нынче мирно, то эти все никак не угомонятся. То скот угонят, то деревни подпалят. Все хотят, чтобы мы с этих мест убрались, а они их заняли. Да только не пойдем мы никуда. Это наша земля!

И при этих его словах я вдруг ощутила крохотную огненную вспышку в груди.

«Это наша земля».

Это... наша... земля. Это... моя земля! И я не хочу, чтобы по ней разгуливали такие вот Грегсоны, а люди вынуждены были ютиться в жалких лачугах и развалинах замков.

Так я и пришла к осознанию, что я нужна этому месту, нужна этим людям. Что я сама — лично я, а не навязанные мне ИИ установки — хочу им помочь. Наверное, для этого я и попала сюда. А для чего же еще, если подумать? Чтобы исправно задирать юбку перед лордом и планомерно рожать ему детей? Или тихо спиваться в уголке, не сумев принять эту трудную, но настоящую жизнь?

Нет. Я — женщина из других времен, женщина, которая благодаря обстоятельствам, знает намного больше, чем другие. И я могу помочь людям. Не каким-то абстрактным персонажам, а вот этим конкретным людям, которые сейчас рядом со мной. Помочь Мойне жить в тепле и не страдать так от постоянного радикулита. Помочь Эвану и Милли вырасти не в грязи и нищете. Помочь Камайе найти свое счастье. И даже Эдмунд... Даже для него мне вдруг захотелось что-то

сделать.

А поняла я это после нашего небольшого предсвадебного разговора.

— Мама, я украду у тебя Ноэль? — спросил лорд-князь, заглядывая в зал, где я сидела, выслушивая очередную хозяйственную лекцию от вдовствующей княгини.

Мойна лишь царственно повела рукой.

Я вышла за порог и не очень вежливо уставилась на Эдмунда.

— Что вы хотели, лорд-князь?

— Поговорить. И лучше не в доме. — Мужчина подал мне руку, и я медленно положила на нее свою.

Накинув теплые плащи, мы вышли из замка, и я поняла, что лорд ведет меня к озеру.

Поначалу мы шли молча. На улице со вчерашнего дня еще больше похолодало, и я прятала нос в длинный шарф, подаренный мне Мойной после моего нежданного заплыва. Эдмунд не спешил начинать разговор, и я тоже не рвалась заговорить первой — сам позвал, сам пусть и выкручивается. А то вытащил меня на этот холод, понимаешь ли.

На сей раз с небольшого озерца не тянуло туманом, оно лежало перед нами, серое и неподвижное, как полированный мрамор. Лорд остановился у самого берега, поднял с земли плоский камешек и запустил его по воде. Три прыжка — и тихий всплеск.

— Мать говорила о тебе сегодня. — Его голос прозвучал

неожиданно мягко, будто бы не желая спугнуть тишину между нами. — Она рассказала про мальчика из Дунмора.

Я повела рукой в неопределенном жесте.

— И что она сказала?

— Что ты сиганула за ним, даже не сняв ботинок.

Едва заметно улыбнувшись, я подняла на него взгляд. Эдмунд стоял прямо, широко расставив ноги, ветер трепал его темные длинные кудри и холодил и без того обветренные щеки. Я даже залюбовалась, рассматривая моего будущего супруга. Царственная осанка, широкие плечи, подтянутый торс, сильные красивые руки с длинными пальцами, на одной из ладоней белеет шрам... Истинный вождь своего клана.

Но невольное восхищение, которое я испытала при созерцании столь великолепного образца мужественности, не помешало мне заметить, что в глазах Эдмунда теперь мелькало что-то новое. До этого момента он смотрел на меня, как на некий внезапно свалившийся на него артефакт, с которым он не знал, что делать. Теперь, кажется, он — как недавно и я — увидел во мне живого человека.

Что теплилось в его взгляде? Не просто одобрение моему поступку и, пожалуй, не восхищение — это было бы для него слишком. Скорее... узнавание. Будто он наугад открыл случайную книгу и вдруг нашел в ней знакомую строку, которую долго искал.

Я скрестила руки на груди. Защищаясь то ли от холода, то

ли от просачивающихся в сердце странных чувств.

— Вы хотите сказать, что я импульсивна?

Он усмехнулся.

— Я хотел сказать, что ты... неожиданна.

— На моем месте любой бы так поступил, — пожала я плечами.

— Отнюдь.

Лорд-князь сделал шаг ближе. Я поправила подол платья, чувствуя, как камни под ногами холодят ноги.

— Ты вообще странная женщина, Ноэль. Я даже не знаю, как с тобой общаться. Раньше я не испытывал трудностей, заводя разговор с девушкой. А вот с тобой не понимаю даже, как заговорить. Ты действительно Дар богов? Или белая ведьма, как тут шепчут мне некоторые?

Он протянул руку и осторожно взял меня за подбородок, желая рассмотреть попристальней.

Я резко вывернулась и шарахнулась от него в сторону. Если бы я могла обжигать взглядом, сейчас с удовольствием бы подпалила ему что-нибудь.

— Надеюсь, вы сами в состоянии решить этот вопрос, лорд-князь. А если вам для этого нужны подсказки «некоторых», то стоит ли вообще брать меня в жены?

Взгляд Эдмунда потемнел, стал жестким.

— Вот поэтому я и говорю, что не знаю, как с тобой общаться. То ты ходишь по замку с отсутствующим взглядом, словно больная сонной болезнью, то ныряешь за ребенком

в реку. То молчишь, спокойная, как каменное изваяние, то огрызаешься, как волчица.

— Вы наблюдаете за мной, лорд-князь?

Он ответил не сразу. А когда начал говорить, в его голосе уже не было того привкуса железа, который я ощутила буквально минуту назад.

— Я наблюдаю за всем, что может угрожать моему клану... И за всем, что может его спасти.

Я лишь развела руками.

— Тогда вам придется наблюдать дальше.

— Буду, — кивнул он. — Я вообще хотел бы узнать тебя лучше, Ноэль. Но, боюсь, это будет невозможно в ближайшее время. Сразу после нашей свадьбы я уеду в столицу Преттании, к лорду-протектору. Перед отъездом я должен дать тебе статус и титул, чтобы ты была здесь хозяйкой на полных основаниях. Не волнуйся, с тобой останется моя мать и Габриэль, они во всем тебе помогут. Но мне важно, чтобы и ты помогла нам тоже.

— Эдмунд... — Я обратилась к нему по имени, прекрасно понимая, что нарушаю правила, ведь я еще не была его женой. Но использовать его титул мне показалось неуместным для того, что я собиралась сказать. — Эдмунд, я вижу. Вижу людей, вижу их проблемы, вижу, где могу быть полезной. Но я не хочу и никогда не хотела, чтобы на меня смотрели только, как на полезную вещь — как смотрят на хорошую лошадь или высокоудойную корову. Если вы желаете, чтобы я была

вашей женой, я должна быть женой, к которой испытывают чувства, отличные от чувств, возникающих у вас при взгляде на какую-нибудь особо ценную овцу. И еще... я должна быть *единственной* женой.

— Хм... — услышала я тихий возглас.

И это было все, что ответил мне лорд-князь. Только его глаза, в которых мелькнуло что-то вроде интереса и легкой иронии, сказали мне чуть больше.

— Это мое условие, — сказала я и, развернувшись, зашагала к замку, оставляя его одного у воды.

В нашем литмобе участвует прекрасная писательница Адель Хайд с книгой "Пламя над Доминионом. Путь искры".

<https://litnet.com/shrt/PUmd>

В ее романе вы найдете:

**Любовь вопреки
 Гендерная интрига
 Сильная героиня
 Прогрессорство и быт
 Невероятные приключения
 Счастливый финал##**

Глава 10. Свадьба

В день нашей свадьбы пошел снег. Не стеной, конечно, просто редкие первые снежинки закружились в воздухе, словно белые мотыльки.

Процессия, которая двигалась к дольмену, возвышающемуся посреди вересковой пустоши, состояла из меня, жениха, всех Ламбертов, на данный момент присутствовавших на землях клана, а также тех зажиточных лэрдов, которые тоже входили в клан, но носили иные фамилии. Отдельной кучкой шли представители Торнов в лице моих родителей, двух братьев и двух сестер. В одном из братьев я узнала Десмонда — уже взрослый, по местным меркам, заросший черной бородой, но несомненно это был он. Джинни на моей свадьбе не появилась, она числилась замужем за представителем кого-то из соседних кланов и жила довольно далеко от прежней семьи.

Моя встреча с родителями и прочими родичами прошла, как и ожидалось — скомкано и не очень комфортно для обеих сторон. Никто из нас толком не знал, как общаться друг с другом, поэтому отец лишь смущенно похлопал меня по плечу, пробормотав что-то о милости богов, а мать сдержанно обняла, желая счастливой жизни с лордом-князем. Лишь под конец аудиенции что-то ее все-таки «пробило», и Алисия подошла ко мне, с неожиданной лаской погладив по го-

лове и неловко ткнувшись носом в щеку.

— Девочка моя, — прошептала она. — Я так рада... Хвала богам, что вернули тебе разум. Не держи на меня зла, если сможешь. Я знаю свой грех пред тобой и не прошу простить. Но теперь, когда увидела тебя, я больше не хочу оставаться в стороне... Если что-то будет нужно, ты всегда можешь прийти ко мне.

Затем она отстранилась и потянулась к свертку, лежавшему на скамье. Развернув плотную ткань, Алисия вынула оттуда небольшую шкатулку и открыла ее. Внутри на подушке из шерсти лежали три предмета: внушительный серебряный браслет, больше похожий на наруч[1], мешочек с солью и длинный красивый нож с рукоятью из оленьего рога, на которой были вырезаны причудливые узоры, напоминавшие кельтские, такой же орнамент покрывал часть вороненого лезвия и кожаные ножны.

Про браслет и соль я уже знала из объяснений вдовствующей княгини, которая сочла нужным просветить меня насчет свадебного обряда, справедливо полагая, что я ничего о нем не ведаю. Серебряное украшение — это дар невесте высокого рода от ее клана, соль — дар матери, символ того, что теперь ее дочь принимает на себя обязанности хозяйки чужого дома и входит в него не с пустыми руками, а также оберег на удачу.

А нож? Я подняла взгляд на мать, и она верно истолковала его.

— Это подарок для твоего жениха, Ноэль. Я понимала, что у тебя нет ни времени ни возможности найти достойный дар для лорда-князя или сделать его своими руками, поэтому решила отдать этот нож тебе. Он достался мне от моего далекого предка, и я хранила его, как память, но теперь пусть он служит твоему мужу.

— Спасибо... мама, — проговорила я, с некоторой неуверенностью принимая шкатулку. Но ее подарок действительно меня тронул.

Я не испытывала никаких особенных чувств к родителям. Они оставили меня, когда я была маленькой, и уже не имели шанса надеяться, что во мне вспыхнет сильная родственная привязанность. Время было упущено безвозвратно. Однако и недобрых чувств к ним я в себе не обнаружила. Даже вид Десмонда не заставил меня вздрогнуть — мое сердце при взгляде на семейство Торнов билось ровно. И все же... мать есть мать. Что-то во мне откликнулось на ее робкий взор и подарок, явно сделанный от души.

...Свадебную процессию сопровождала музыка, извлекаемая приглашенными музыкантами из волюнок, рожков, флейт, ручных арф, примитивных скрипок, а также тамбуринов и бубнов. Эдмунд ехал чуть впереди на гнедом жеребце, одетый в черные штаны и серо-голубой кафтан с накинутым поверх него пледом фиолетовых цветов клана Ламбертов, его скрепляла фибула с драгоценными камнями. Килтов тут не носили, но характерные клетчатые тартаны как бы-

ли много веков назад, так и остались неотъемлемой частью здешней культуры. На бедре лорда-князя покоился меч в богато украшенных ножнах.

Мою серую в яблоках лошадь вел в поводу брат Эдмунда, Габриэль; в седле я сидела по-женски, перекинув обе ноги на одну сторону. На мне красовался расшитый цветами и затейливой вязью корсет, надетый поверх лавандово-серебристого платья. Плед, который укрывал меня практически с головы до пят, цветом выдавал мою принадлежность к клану Торнов, но скоро это должно было измениться.

И я, и Эдмунд чувствовали себя немного не в своей тарелке, но оба умело это скрывали. И лишь наши взгляды, порой бросаемые друг на друга, выдавали внутреннее волнение. Впрочем, чем ближе мы подходили к местному «Стонхэнджу», тем более уверенным становился лорд-князь. И когда, завидев друидов, стоящих возле священного дольмена, он спешил и подал мне руку, то выглядел при этом решительно и даже как будто победоносно.

Жрецы пригласили нас внутрь двенадцати камней, к другому плоскому и круглому камню, лежавшему в центре. Эдмунд взял меня за руку, и мы шагнули прямо к валуну, тогда как все пришедшие, кроме друидов, остались за пределами дольмена.

Друид, которого я уже видела раньше и которого Эдмунд называл братом Аодхэном, поднял руку — и тут же смолкла музыка и все другие звуки. Только ветер шелестел в зарослях

вереска и кружились в его порывах крошечные снежинки.

Ритуал начался. Но я была так взволнована, что пропустила первые слова жреца и очнулась лишь в момент, когда он произнес:

— Пусть она станет тенью твоего сердца и светом твоего очага. Той, что оберегает тебя от палящего солнца и знает все твои мысли без слов. Пусть она будет твоим берегом, чтобы, куда бы ни уносила тебя река жизни, ты всегда знал, где найти причал. — Голос священнослужителя стал громче: — Да станешь ты для нее мечом утром и плащом вечером — защитой от бед и покоем в доме. Пусть твоя любовь будет ей крепостью, но не клеткой. Стань как дуб, что укрывает от бури, но не мешает солнцу ласкать лицо сквозь листья.

С каждым произнесенным словом мое сердце билось все чаще, а пальцы, переплетенные с пальцами Эдмунда, начали слегка подрагивать от осознания того, что теперь вся моя жизнь связана с этим красивым, гордым и властным мужчиной, которого я почти не знаю, но... кажется, не против узнать поближе.

Пытаясь справиться с волнением, я покосилась по сторонам. Мойна, стоявшая справа от меня в проеме меж камней, почти незаметно кивнула. Ее лицо, как обычно на людях, оставалось бесстрастным, но в глазах читалось одобрение: «Ты справишься». А вот взгляд, пойманный слева и принадлежавший Лидии, не был поддерживающим ни капли. Губы девушки кривились то ли от зубовного скрежета, то ли

в странной усмешке, но она точно не выглядела спокойной. Интересно, состоялся ли разговор между ней и Эдмундом?..

Впрочем, не до нее сейчас. Я вновь обернулась к импровизированному алтарю.

— Клянешься ли ты, Ноэль Торн, быть верной спутницей Эдмунду Ламберту в битвах, трудах и пирах?

— Клянусь. — Мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала.

— Клянешься ли ты, Эдмунд Ламберт, быть щитом и опорой для Ноэль Торн в бурю, зной и холод?

— Клянусь.

Эдмунд сжал мою руку так, что чуть не хрустнули кости. Его серо-карие глаза горели загадочным огнем — не любовью, конечно, но... вызовом? Он будто говорил: «Покажи им всем, что достойна».

Друид сделал знак Мойне. Моя свекровь ступила внутрь дольмена, подошла ко мне и расстегнула брошь, снимая с меня тартан клана Торнов и надевая новый — фиолетовый, в цветах Ламбертов.

— Теперь ты Ноэль Ламберт, — произнесла она. — Да хранят тебя боги и да принесут через тебя благоденствие нашей земле.

Затем вдовствующая княгиня вновь вернулась за круг камней, а жрецы поднесли нам с Эдмундом деревянную чашу, наполненную элем и медом. Брат Аодхэн протянул лорду-князю ритуальный кинжал, и тот без колебаний сделал

надрез на безымянном пальце левой руки. После чего капнул в чашу своей кровью.

— Чаша единения! — провозгласил жрец и отдал сосуд мне.

Я сделала глоток. Напиток скользнул в горло, чуть обжигая его.

— Кровь вождя в тебе! — продолжил брат Аодхэн. — Ныне ты становишься женой лорда-князя Эдмунда Ламберта и принимаешь титул леди-княгини. Носи его с честью.

Два друида подошли к нам поближе. В их руках дымились пучки вереска и можжевельника. Дым обволок нас, пощипывая глаза, но ни я, ни Эдмунд не позволили себе моргнуть.

— Чтобы злые духи не последовали за вами в дом, — сказал один из жрецов, продолжая окуривать нас.

Спустя минуту они удалились, а лорд-князь скинул и растелил на земле свой тартан. Брат Аодхэн обвязал наши запястья сиреневой лентой — лорду левую руку, мне правую.

— Прыгайте! — закричали вся собравшиеся гости. — Прыжок единения!

Теперь люди уже не молчали, а кричали, гикали и радостно улюлюкали.

Эдмунд повернулся ко мне, и впервые за сегодняшний день я увидела его улыбку.

— Перепрыгнем вместе — и править будем вместе, — шепнул он мне на ухо.

Я невольно улыбнулась в ответ.

— Даже не сомневайся.

Мы крепко сжали связанные лентой ладони друг друга и, разбежавшись, взмыли в воздух, приземлившись на другом краю тартана.

— Счастья молодым! — взревела толпа. — Здравия лорду-князю и леди-княгине!

Обряд был закончен.

А я была замужем.

[1] Часть доспеха, прикрывающая руку от кисти до локтя.

Книга Светланы Шёпот "Надежда в новом мире", участвующая в нашем литмобе, захватывает внимание с первых строк. Очень рекомендую к чтению!

https://litnet.com/shrt/tCz_

Вас ждут:

**#находчивая и смелая героиня
 #решительный герой
 #романтика
 #выживание
 #быт**

Глава 11. Пир

На пиру рекой лились эль, вино и виски, надрывались музыканты и постоянно звучали здравицы. Я немного шугалась всего этого веселья, но в целом справлялась неплохо. И, что удивительно, во многом это была заслуга моего новоиспеченного мужа. Он с неожиданной теплотой проявил заботу, тихо подсказывая, что нужно делать, и оберегая меня от излишне навязчивых пьяных гостей. Его руки, обнимавшие мою талию, были теплыми, а взгляд с каждой минутой становился все жарче. И это при том, что лорд, в отличие от остальных мужчин, пил весьма сдержанно. То ли жениху здесь было не положено напиваться на собственной свадьбе, то ли он просто этого не хотел, приберегая ясность сознания для того, что должно было произойти этой ночью.

В отличие от него, я элем не пренебрегла. И уже чувствовала, как начинают алеть мои щеки. Я старательно отгоняла от себя мысли о ночи, но не могла не замечать, что внутри меня крутится клубок из множества чувств и эмоций, и среди них нашлось место как волнению и страху, так и интересу и предвкушению... Сколько веков — в прямом смысле! — прошло, когда в последний раз у меня была *ночь*?

При всех мы обменялись с Эдмундом дарами. Сначала он отдал мне большой ключ от кладовой, как символ нового статуса хозяйки замка Ламбертов, а затем приколол на мой

тартан узорчатую серебряную брошь с геральдическим символом клана — лунный серп, пересеченный мечом, — украшенную бирюзой. Я же вручила ему тот самый нож, принесенный матерью, и не без скрытой радости наблюдала, с каким удовольствием Эдмунд рассматривает мой подарок и убирает его за пояс.

В какой-то момент я должна была обойти самых близких родичей лорда-князя, сидевших с нами за одним столом, с кувшином эля, смешанного с медом, наливая каждому по чарке. Их реакция была разной: кто-то вскакивал с места и радостно приветствовал меня, кто-то принимал чашу настороженно, а кто-то начинал шептаться, едва я отходила подальше. Мойна приняла эль со сдержанной торжественностью и выпила чарку до дна.

— Наконец-то мой сын выбрал женщину, а не пустышку звенящую, — шепнула она мне одобрительно.

Хоть я и почувствовала себя немного неловко после этих слов, но услышать их было, как ни крути, приятно. Правда именно в этот момент «пустышка звенящая» решила пройти рядом — и я не успела отреагировать, когда она красиво качнула бедром, толкая меня вперед.

Разумеется, эль из кувшина тут же выплеснулся на мое платье, и все, кто это видел, замерли в предвкушении грядущей сцены.

— Ох, простите, леди-княгиня, — насмешливо процедила Лидия. — Не заметила вас.

Я неторопливо развернулась, окидывая зеленоглазку спокойным взглядом. «Да что ж ты так упорно набиваешься мне в соперницы? Я в своем мире шестьдесят с лишним лет на свете прожила, мне вся эта мышинная возня и даром не нужна. Не буду я играть по твоим правилам».

— Ничего страшного, все мы бываем немного неуклюжи, — проговорила я негромко. — Одолжи мне свой платок, надо же чем-то промокнуть пятно.

Лидия сделала большие глаза:

— Неужто леди-княгиня потеряла свой?

— Да, — слегка удрученно кивнула я. — Отдала мужу. Его, знаешь ли, постигла та же неприятность.

Я вложила во фразу изрядную долю сарказма, но, кажется, он пропал втуне — Лидия просто не поняла намека. Платок, однако, протянула, всем своим видом выражая, что снизила до моей ничтожной личности лишь в силу природного альтруизма.

— Благодарю, — сказала я, вытирая капли эля. Затем вернула ей платок и приказала крутившемуся рядом слуге подать Лидии чашу. — Ну и раз уж ты подошла к столу родных Эдмунда, давай выпьем за здоровье... прежних друзей моего супруга.

Прежде, чем до зеленоглазой дошло, все сидевшие неподалеку разразились громким смехом, кто-то даже захлопал себя по ляжкам от восторга. Лидия заметно побледнела. Я ждала очередного выпада в свою сторону, но она лишь фырк-

нула, одним глотком опрокинула в себя предложенный эль и удалилась с гордо вздернутым подбородком.

Я оглянулась на Эдмунда, но тот был занят разговором с родным дядюшкой и нашу короткую стычку явно пропустил. Может, и к лучшему. Мне было неприятно, что этот эпизод вообще стал достоянием общественности. Балаган какой-то, честное слово.

Мне оставалось налить чарку последнему родственнику, и им оказался брат Эдмунда Габриэль. При моем приближении он поднялся со скамьи и, широко улыбаясь, протянул свой кубок. Я плеснула ему эля и уже приготовилась уйти, как вдруг Габриэль поймал мой локоть.

— Какая у меня, оказывается, бойкая сноха, — проговорил он, наклоняясь ближе. — Острый ум, изощренный язык, красивое личико... Я и не ожидал, что моему брату достанется такая очаровательная жена. Как жаль, что я не познакомился с вами раньше, леди-княгиня.

И он сверкнул глазами, в которых определенно плескался не только алкоголь, но и вполне недвусмысленные желания.

На сей раз я даже не стала вступать в разговор, просто молча вырвала локоть из его хватки и сделала шаг прочь от стола. Надеюсь, Габриэлю достанет ума ограничиться словами, иначе это может обернуться очень неприятными последствиями.

— Братец, эта чаша, налитая леди-княгиней, должна стать последней для тебя на пиру. Я вижу, что тебе уже точно хва-

тит, — произнес за моей спиной низкий голос, в котором раскатами грома перекатывалась угроза.

Эдмунд... Вот этот эпизод, в отличие от предыдущего, он не пропустил.

— Неужто я самый слабый в клане Ламбертов и не могу тягаться с другими в количестве выпивки? Ах, какая жалость! — воскликнул Габриэль. — Что ж, подчиняюсь лорду-князю. — И он отвесил легкий поклон, отводя от себя кубок.

Габриэль перевел все в шутку, но я чувствовала, что гнев Эдмунда не утих. Мой муж крепко сжал мою ладонь и чуть ли не поволок к нашему месту за столом. Но и я не отставала — вцепилась в его руку с не меньшей силой и сама рванула вперед.

За столом дождалась, пока слуга нальет мне эля, выпила его чуть ли не залпом, и проговорила, глядя на Эдмунда:

— И это на него ты хочешь меня оставить, когда уедешь?

— Он пьян. Но больше не посмеет вести себя неподобающе. Завтра я преподам ему урок.

Впившись взглядом в лицо князя, я искала на нем следы неискренности, но их не было. Похоже, Эдмунд был так же раздражен, как и я. Следом за мной он глотнул из кубка, не отводя от меня глаз. Такой мужественный, такой величественный, а эта его резкая линия подбородка и темные кудри...

Кажется, алкоголь начал и нам ударять в головы. Мне так

уж точно.

— Ты слишком хороша, моя леди-княгиня, — тихо произнес лорд. — И теперь ты моя. Никто не смеет покушаться на мою жену.

— А ты — мой. И у моего мужа может быть только одна жена, — отозвалась я.

— Значит, нам обоим придется доказать, что мы вполне способны заполнить одиночество друг друга, — хмыкнул он и вдруг поднял над головой свой кубок, провозглашая на весь зал: — Пируйте, друзья! Пусть воздух звенит чашами и песнями, пусть ваши кубки не пустеют, а мы вернемся к вам завтра, чтобы начать новый день вместе!

— Здравия молодым! Пусть дым из печи вашего дома струится многие лета! — зазвучали голоса со всех сторон. Люди поднимались со своих мест и воздевали чаши. — Да будут ваши споры короткими, как зимний день, а мир долгим, как летний свет! Рассвет не должен застать вас тут. Пусть ваше ложе будет мягким, а ночь — долгой!

Несмотря на весь выпитый алкоголь, эти простецкие возгласы все-таки сумели меня смутить. Но думать о них было некогда. Эдмунд подхватил меня на руки и под веселые выкрики, топот и барабанные звуки, извлекаемые из тамбуринов, понес наверх, в свои покои.

Мои дорогие читательницы! Я на несколько дней уез-

жду на литературный форум в Петербург, и в связи с этим будет небольшой перерыв в выкладке глав. Примерно через пять-шесть дней она возобновится в обычном режиме. Большое спасибо за понимание!

Но зато вас ждет уникальная и интереснейшая история в романе Полины Ром "Последний шанс". Загляните, не пожалеете!

<https://litnet.com/shrt/P2gS>

Мирная пенсионерка спокойно живет в своем уютном мирке, даже не помышляя о приключениях, но в один миг всё вокруг меняется до неузнаваемости.

**#сильная героиня
#бытовое фэнтези
#неидеальные герои**

Глава 12. За закрытыми дверями

Эдмунд толкнул дверь плечом, не выпуская меня из рук. В спальне пахло дымом очага и сушеным вереском, рассыпанным по полу. Я — в предчувствии чего-то неизведанного и немного пугающего — чуть крепче вцепилась пальцами в княжеский тартан, и лишь усилием воли сумела их разжать. Лорд опустил меня на ложе, покрытое грубоватыми льняными простынями и огромной медвежьей шкурой, и отступил на шаг, то ли разглядывая, то ли, как и я, осознавая, что теперь мы остались совершенно одни.

Я сидела на кровати, ощущая под руками жестковатый мех. На стенах, украшенных несколькими старинными щитами и шкурами других лесных хищников, танцевали тени от огня. Все вдруг показалось слишком громким: поскрипывание досок постели подо мной, треск поленьев в камине, собственное дыхание...

— Холодно? — спросил Эдмунд, скидывая с себя плед и кафтан и начиная стягивать сапоги.

Я качнула головой, хотя гусиная кожа на руках говорила об обратном. Но образовалась она точно не от холода.

Князь позволил себе тихий смешок — низкий и глухой, полный, как и всё сейчас здесь, смущения и предвкушения одновременно.

— Тогда почему твои зубы стучат?

— Это во мне говорят звериные предки, — нашла я в себе силы пошутить. — Вот сейчас как укушу тебя, сразу перестанешь задавать глупые вопросы.

Я думала, он рассмеется или, может, наоборот рассердится, но вместо этого его пальцы коснулись моей щеки, загребшие от мозолей и горных ветров, и в то же время на удивление нежные.

— Я не буду торопиться, — шепнул он, поднимая меня с кровати и аккуратно расстегивая брошь, скрепляющую мой тартан.

Шерстяная ткань скользнула на пол. Следом за этим ладони Эдмунда легли мне на талию.

Я вдруг вспомнила, как в детстве по просьбе матери перематывала клубки шерсти — медленно, чтобы не запутать нить. Сейчас этот темноволосый мужчина, чьи широкие плечи были теперь прикрыты лишь тонкой рубахой, делал то же самое со шнуровкой моего корсета, и его пальцы жгли кожу даже сквозь ткань.

— Ты все еще дрожишь, — заметил он, ненадолго отпуская меня и направляясь к кувшину и небольшому тазу, стоявшим на сундуке возле изголовья кровати. — А там, в зале казалась такой смелой.

— А ты по-прежнему за мной наблюдаешь.

— Я не говорил тебе, что обязанность вождя — хорошо знать свои владения?

Эдмунд плеснул в таз воды, омыл в ней руки, затем при-

гласил меня проделать то же самое. И едва мы оба вытерли ладони тонким расшитым полотенцем, он шагнул ко мне так близко, что я почувствовала исходящий от его тела жар.

— Ты, — мой голос все же сорвался, несмотря на все попытки выглядеть уверенной. — Ты уверен, что...

— Что? Что я хочу свою жену в первую брачную ночь? Да, чертовски уверен. — Он медленно поднял руку, выдерживая шпильки и гребни из моих волос и позволяя прядям свободно упасть мне на плечи. А затем склонился к моему лицу. — Ноэль... не бойся. Ни меня, ни этой ночи. Мы все сделаем вместе. Только позволь мне...

Не договорив, Эдмунд коснулся губами моих губ, одновременно теснее привлекая к себе.

И... его жар будто влился меня.

Я вдруг ощутила всё: и его возбуждение, и свое желание, и нечто невероятное, что никогда, ни в какие времена, нельзя было описать словами, а только почувствовать — туманной головой, пылающей грудью, наливающейся тяжестью внизу живота.

Я резко вздохнула, принимая и впитывая этот поцелуй, как путник драгоценную влагу в пустыне, то ли против воли, а то ли именно по ней прижимаясь к мужчине в надежде утолить свою жажду.

— И ты... ты тоже позволь мне, — прошептала я, с трудом оторвавшись от его губ.

Мои руки скользнули к его талии и принялись расстегивать.

вать кожаный ремень с пряжкой в виде волка. Пояс упал на дощатый пол, туда же отправились брюки и рубашка. Я провела пальцами по обнаженной груди Эдмунда и опустила ниже, к напряженному животу, на котором, как и на руке, тоже виднелся небольшой шрам...

— Ты красивая, — услышала я хриплый шепот у своего уха. — Как речной поток: гладь снаружи, стремительный поворот внутри. Теперь моя очередь.

Князь стащил с меня верхнее платье и дернул завязки нижней сорочки. Одна из них не поддалась, и он негромко рыкнул в ответ на это неповиновение.

— Неужто великий вождь не может справиться с какой-то веревочкой? — спросила я пытаюсь улыбаться, хотя из глубины гортани уже рвался тихий стон нетерпения.

И он таки вырвался, когда Эдмунд внезапно наклонился и перекусил шнурок зубами. Его теплое дыхание обожгло кожу на моих ключицах, а сорочка полетела вниз, ко всей остальной одежде.

И когда наши тела коснулись меха и льна, я уже не боялась. Я точно знала, чего хочу.

Его губы обжигали шею, а ладонь скользила по бедру, оставляя за собой цепочку мурашек. Я инстинктивно выгибалась, следуя за его пальцами, а мои в это время — блуждали по его спине. Эдмунд чуть приподнялся, и мой взгляд невольно проскользил от его лица до низа живота. Щеки тут же вспыхнули алым, будто и до этого не горели уже маковым

цветом.

— Смотри, — приказал он мягко, взяв меня подбородок.
— Это твое теперь. Как и все остальное.

— Мое, — подтвердила я, обвивая его бедра своими ногами.

Ногти впились в спину Эдмунда, оставляя на ней новые крошечные раны, когда он вошел в меня. Медленно, слишком медленно... Боль и наслаждение смешались в один вихрь. Постепенно прогорали дрова в камине, но никому из нас не было дела до наступающей в комнате темноты.

И когда долгожданная волна накрыла меня с головой, последнее, что я увидела, закрывая глаза в непереносимом пике сладости, это было его лицо, прекрасное, как горные вершины на рассвете, но уже совсем не столь суровое, как они. Этот мужчина сейчас полностью принадлежал мне. И огонь, и кровь мы разделили на двоих.

Глава 13. Первая ссора

Утром, когда поленья в камине уже почти догорели, я лежала, прижавшись к Эдмунду под шерстяными одеялами и медвежьей шкурой, и думала, что пока он рядом, холод мне не страшен. Даже после произошедшего ночью мне все еще непривычно было назвать его мужем, наверное, как и ему меня — женой, но мы определенно продвинулись в этом направлении.

Да, вчера алкоголь туманил мне голову, однако это не значит, что я не отдавала себе отчета в своих действиях. Я шла на близость, потому что сама ее хотела, и... не пожалела об этом. Если уж о чем и жалеть так это о том, что Эдмунд буквально послезавтра уже уезжает на Равнины и мы теперь долго с ним не увидимся. Мне показалось, что будь у нас больше времени, мы бы сумели найти общий язык не только на ложе, но и в остальной жизни. А теперь это все отложится на неопределенный срок.

— Ты что-то притихла, — произнес Эдмунд, приподнимаясь на локте и стягивая с моего плеча теплый мех. — Дай мне еще раз на тебя посмотреть. Боги, какая же ты красивая...

Я чуть прикрыла рукой обнаженную грудь и потянула шкуру обратно на себя.

— Насмотришься потом, как только мы снова разожжем

камин. А иначе тебя ждет лишь зрелище марширующих строем мурашек.

Князь расхохотался.

— Значит, тебя на меня можно смотреть, а мне нет?

— Я не просто тебя разглядывала, я считала твои шрамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.